

ГЕОРГИЙ МАСЛИЁВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА
ЕДИНСТВЕННЫМ
“ПРОЩАЙ”

Георгий Маслиёв

Путешествие

за единственным «Прощай»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432468

ISBN 9785448533440

Аннотация

Проснувшись в один из обычных дней, Алекс узнаёт о своей смерти, осознать которую ему помогает таинственный незнакомец – Кларкс, посланник АрхИвона (небесного суда). По неизвестным причинам Алексу дарован второй шанс, но чтобы им воспользоваться, он должен совершить путешествие в самые мрачные глубины своего разума и встретиться с прошлым, от которого бежал всю свою жизнь. Это история о жизни и смерти, о любви и ненависти, о дружбе и предательстве, основанная на реальных событиях.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Битва за разум	8
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	57
Глава 5	64
Глава 6	81
Глава 7	96
Глава 8	108
Глава 9	124
Глава 10	143
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Путешествие за единственным «Прощай»

Георгий Маслиёв

*Посвящается всем ищущим, потерявшим
и нашедшим.*

© Георгий Маслиёв, 2018

ISBN 978-5-4485-3344-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Обычное утро в сырой и затхлой гостинице низшего класса. Хотя на тот момент Алекс не знал, было ли это заведение вообще гостиницей, но и волновало его это меньше всего. Он подскочил с кровати от приступов тошноты и поспешил в ванную. Похмельный синдром разрывал голову на две, а то и на три части, дышать было тяжело, ноги еле передвигались. Дрожащими руками Алекс нащупал в полутьме кран и покрутил скрипучий вентиль. Как и следовало ожидать, холодная вода побежала очень тонкой струйкой. Пострадавший от долгой попойки попытался умыться, но это не дало результатов – легче ему не стало. Следом к физическому недомоганию добавился ещё и ужасный гнев. Шатаясь из стороны в сторону, но всё же добежав до спальни, мужчина споткнулся о порожек и припал на одно колено. Тут же в нос ударил невыносимый запах спиртного, травы и ещё какого-то дерма. Еле сдержав рвотный позыв, Алекс раздвинул грязные шторы, открыл окно и по пояс высунулся на улицу, жадно наполняя грудь свежим воздухом ранней весны и утреннего дождя.

Только спустя минуту удалось оглядеться по сторонам: шоссе, бензоколонка, рядом маленькое кафе, несколько машин припаркованы у самого здания, откуда торчал обесилившийся Алекс Фримен, успешный бизнесмен, имеющий

миллионы, но именно сейчас находящийся в этой ужасной гостинице. «О Господи, как нелепо...» – почти с улыбкой отчаяния подумал мужчина. Хотя это не было редкостью, чего уж тут удивляться.

Обратно в номер залезать не хотелось, но что тут поделаешь, нужно собираться. На разбитой двухместной кровати, под одеялом сладко спали две девушки. «Ну, точно, всё как обычно» – улыбнулся про себя Алекс. Но очередной рвотный позыв заставил взять свои вещи, телефон, часы, лежащие на журнальном столике, и поскорее удалиться. Одеваясь на ходу он бежал сквозь длинные чёрные коридоры с обшарпанными стенами, по винтовой лестнице и вперёд к двери. На выходе из гостиницы его с улыбкой встретила неприятная толстая дама в окружении молоденьких шлюшек.

– До свидания, мистер Фримен! – раздался уже за спиной писклявый голос настоятельницы «отеля».

На улице было сыро, слегка дул весенний ветер, небо затянуто тучами. Алекс надел куртку, присел на скамейку у бензоколонки, достал сотовый телефон. Так как поблизости своей машины не наблюдал, он попытался позвонить водителю, но был озадачен, когда не нашёл его номер в списке контактов. Бизнесмен потёр лоб и позвонил своему молодому ассистенту – Кларксу, которого он нанял скорее потому, что ему было скучно, но никак не из-за острой необходимости в заместителе. Хотя сейчас он мог пригодиться.

– Да, мистер Фримен, – в трубке раздался сонный голос ассистента.

– Привет, Кларкс, – Алекс старался не выдавать своего убитого состояния. – Ты где?

– Я? – было, удивился Кларкс. – Я дома.

– Слушай, я тут не далеко от города, потерялся так сказать... можешь приехать за мной? Я собирался звонить Смитту, водителю, но тут беда – в контактах его нет.

– Так Вы же его уволили, разве нет?

Алекс удивился, но вспомнил, что уволил его как раз вчера, когда тот высадил его рядом с лужей:

– Ах да, точно. Так ты приедешь? – звучало как «не уходи от темы».

– Конечно, диктуйте адрес.

Часть первая. Битва за разум

Глава 1

Кларкса пришлось ждать долго, учитывая, что от города езды около двадцати минут, да и улицы Бостона уже наполнились пробками. Чтобы как-то скоротать время Алекс зашёл в кафе со странной вывеской – «Просто входи» и с лозунгом ниже – «Заходи не бойся, уходи не сожалей». «Да уж, сама оригинальность» – подумал с некоторым презрением он. Кафе по сравнению с «гостиницей» оказалось довольно уютным: большие окна, немного выцветшие стены жёлтого цвета, шесть столиков, пара красивых картинок и индейских масок висели над барной стойкой, люминесцентные лампы слегка потрескивали и моргали. «Как в детстве, в школе...» – всплыло в голове Алекса. Он покачал головой. Странно, он очень мало что помнил из детства и юности, но эти лампы запомнил на всю жизнь. Вся жизнь... странно чувствовать себя стариком в сорок два года.

Из служебных дверей вышел невысокий, крупный мужчина – бармен. Он сочувственно кивнул шатающемуся с бодуна единственному посетителю и предложил сесть за столик у окна, пообещав, что его скоро обслужат, а сам отправился к барной стойке. Алекс так и поступил: удобно расположив-

шлись у окна, положил голову на стол и прикрыл её руками. Боль понемногу начала утихать. Он слышал, как в кафе зашла девушка, о чём-то перемолвилась с барменом и опять вышла.

Из полудрёмы Алекса вывел стук по столу. Он резко поднял голову. Молодая пухленькая официантка поздоровалась с клиентом, мило улыбнувшись, и поставила на стол поднос с бульоном, сухариками, стаканом воды и таблеткой аспирина.

– Приятного аппетита, – хотела уйти девушка, но Алекс её остановил.

– Послушай, красавица, – он слегка напрягся от головной боли. – А кофе у вас есть?

– Да, конечно! Сейчас принесу, – девушка убежала на кухню.

После таблетки аспирина пришлось расправиться с бульоном, хотя лез он внутрь истощённого организма с трудом, несмотря на вкус и довольно аппетитный кусочек куриного филе, который так и остался в тарелке. К тому времени уже прибыл кофе с парой шоколадных конфет в придачу. «Какое замечательное обслуживание» – думал Алекс, не замечая, какими «влюблёнными» глазами за ним пристально наблюдает официантка.

Внезапно дверь кафе распахнулась, и в неё легко заскочил странный темнокожий мужчина лет шестидесяти, с неаккуратно подстриженной клочками бородой, в рваном балахоне,

с грязным рюкзаком на плече и при этом всё с блаженной улыбкой на лице. Не было сомнений, что это бомж. И тут случилось то, чего как раз больше всего не хотел одинокий мужчина, болеющий с похмелья.

Бомж весело плюхнулся на стул напротив Алекса. Тот вопросительно посмотрел на бармена и официантку, но те лишь неуверенно переглянулись и начали спорить о чём-то между собой.

– Простите... – начал возмущённым голосом недоумевающий посетитель.

– Хе-хе, прощаю! – весело задорным голосом оборвал его незнакомец.

– Слушай!

– Хе-хе, весь внимание! – не успокаивался старичок, бросив свой рюкзак на стол.

– Ты чего подсел ко мне? Что тебе нужно?

– Мне? – бомж по-детски удивился. – Да ничего особенного, хочу позавтракать в компании приятного собеседника, вот и всё.

– Так бери себе кофе и проваливай куда-нибудь в другое место, искать себе собеседника! – Алекс повысил тон, отчего в голове опять затрещало. – Слушай, не доставай меня!

– Ой, как грубо...

Грязные руки незнакомца подтянули к себе чашку с кофе. Старичок начал потягивать кофеёк, чавкая шоколадной конфетой и улыбаясь почти беззубым ртом:

– Мм, вкусно.

На мгновение Алекс потерял дар речи, но тут же взял себя в руки. По крайней мере, он так думал.

– Ты что делаешь?

– Я? – бомж поперхнулся. И наивно продолжил. – Ты же видишь, кофе пью.

– Это мой кофе!

– Так ты сам же сказал – «Бери себе кофе и проваливай куда-нибудь в другое место, искать себе собеседника». Я кофе взял? Взял. «Валить в другое место» я не могу, поскольку живу в километре отсюда и это самая близкая точка, где я могу позавтракать. «Ищи другого собеседника» – я не могу найти никого другого, потому что посетителей в этом замечательном заведении только двое – я и ты. Но заметь, после того как я взял кофе, тебе не сказал ни слова. Я не доставал тебя глупыми расспросами... чего нельзя сказать о тебе, – старик усмехнулся в конце своей недолгой речи.

Кровь в Алексе начала закипать и он обратился к бармену и официантке:

– Что за психи у вас тут ошиваются?! Или это вполне нормально? Наведите порядок!

Бармен очень медленно и нерешительно направился к столику, а официантка пыталась его остановить.

– Послушай, сынок, неужели тебе жалко кофе ради незнакомца? – по-настоящему обиделся бомж. – Да и потом, у тебя же тысячи долларов в карманах, ты можешь заказать себе

ещё кофе, а я – бедный старик, разве я много прошу?

Алекс нервно переводил взгляд с бармена на старца, который тем временем продолжал:

– И не стыдно тебе тревожить своими глупыми просьбами людей, которые тебя приняли в этом кафе, заметь, сами, без твоей просьбы, накормили тебя, принесли кофе, а вон та молодая симпатичная особа, – он указал на официантку. – Собиралась пригласить тебя к себе домой, чтобы ты выспался, помылся, привёл себя в порядок... Алекс.

Стол перевернулся, когда разъярённый мужчина, не выдержав такого давления и, к тому же, не привыкший к такому обращению, вскочил со стула и схватил странного и теперь, даже, пугающего незнакомца за грудки. Он собирался спросить, кто он и откуда про него знает, но бомж внезапно закричал и задёргался, будто его ударило током. Алекс от неожиданности отпустил старика и сам отскочил шага на два назад, тяжело дыша. Взгляд незнакомца совершенно изменился: теперь он смотрел на обидевшего его только что человека с неким состраданием и сочувствием. Даже сопереживанием. Он подошёл к высокому мужчине, который готов был его только что убить, и дрожащими руками прикоснулся к его лицу. Голос его тоже дрожал:

– Сынок, ты запутался, у тебя беда? Как я могу тебе помочь?

В этот момент за окном появился новенький «Кайен», который просигналил и пару раз моргнул фарами. Алекс вы-

бежал из кафе, на ходу поглядывая на старика, у которого на глаза отчего-то выступили слёзы.

* * *

Даже когда машина скрылась из виду, бомж всё так-же смотрел вслед чёрному силуэту, исчезающему за горизонтом. Бармен вышел из кафе и подбадривающе похлопал маленького старичка по плечу.

– Да ладно, отец, чем мы ему поможем? Теперь уже больше нечем, пусть идёт своей дорогой.

Они так постояли около минуты, затем бармен позвал отца внутрь и добавил, что завтрак стынет.

– Своей дорогой... – грустно разговаривал уже сам с собой старик. – Хорошо бы он её нашёл, или хотя бы вернулся.

И тут он будто что-то вспомнил. «У него же похмелье, голова болит, плохо». Одинокий бородатый старец вздохнул и, прикоснувшись ладонью ко лбу, напрягся, а затем свёл брови в приступе собственной головной боли, после чего он повернулся и медленно побрёл обратно в кафе.

* * *

– Чёрт возьми, где тебя носило? – негодованию босса не было предела, хотя он знал ответ на этот вопрос.

– Простите, сэр, пробки, – Кларкс вёл машину, внимательно следя за дорогой.

– Пробки, пробки – вечные у тебя отговорки, – через несколько секунд Алекс добавил. – И не называй меня «сэр», мы не в армии, и вообще, сколько ты на меня работаешь?

– Неделю, босс.

– Тогда почему ты мне всё ещё «выкаешь»? Ты меня младше лет на десять, зови меня просто – Алекс, или Алексис. Договорились?

– Договорились... Алекс, – нерешительно согласился Кларкс.

Ближе к городу дождь постепенно прекращался, и тучи уходили с неба, давая небесному светилу волю. Солнце приятно припекало. Алекс приоткрыл окно и высунул голову наружу, наполняя лёгкие свежим воздухом. Как-то всё стало хорошо и просто, что он, недавно злившийся на всё и всех, невольно улыбнулся и поймал себя на мысли – головная боль исчезла. Совсем. И вообще больше ни следа от похмелья, как заново родился. И от чего же это?

Недолгие секунды блаженства прервал Кларкс:

– Алекс, можно вопрос?

– Можно, даже два— снисходительно ответил босс.

– Ты, насколько я знаю, родом из России?

Алекс напрягся, но не стал спрашивать, откуда его ассистент об этом знает, потому что был уверен, что женщины болтливы, и секретарши не исключение. Он молча кивнул.

– Почему у тебя английское имя – «Алексис Фримен», а не русское. У тебя на родине, насколько я знаю, такими именами не называют. Так какое у тебя настоящее имя?

Совсем недавно Алекс возможно бы уволил своего подчиненного за такие откровенные разговоры – уж очень сильно

он не любил вспоминать своё прошлое, свою родину и, даже, настоящее имя. Но что-то в нём переключилось, да и новый ассистент ему чем-то импонировал. Наверное, тем, что он не был избалованным маменькиным сынком, да и мозги вроде на месте. Поэтому, переборов свои эмоции, он очень тихо и спокойно ответил:

– Александр, Саша. Алексис это почти то же самое. Пришлось сменить имя, когда менял гражданство, сам понимаешь, чтобы не было лишних вопросов и так далее. А про мою родную фамилию и родину, извини, я умолчу.

Кларк не собирался докучать начальнику вопросами. Он просто благородно кивнул и решил перевести тему:

– Вот мы и приехали.

Действительно, они заезжали в город. Главные дороги и даже маленькие улочки уже были забиты пробками, несмотря на то, что сегодня воскресенье.

– Куда тебя завезти? Домой или в офис?

– В офис, нужно привести себя в порядок, а потом поедем в центр, нужно заехать в «Silent Motors ink», я обещал им контракт.

– Как? Ты же вчера директору этой конторы нос разбил, облил шампанским и сбежал с банкета. И ещё добавил в конце «Пошёл ты к чёрту жирный ублюдок, засунь себе контракт в...», ну и дальше сам догадываешься.

– Я!? – Алекс открыл рот от удивления. Всякое было, но это слишком даже для него. – И за что это я так?

– Кажется, ему не понравился твой анекдот, и он не смеялся. А поводом послужили холодные угощения. Тебе их не разогрели, – Кларкс был спокоен и рассудителен.

– Ничего не помню... а какой анекдот я ему рассказывал?

– Как обычно про курицу и петуха, которые...

– И он не смеялся? – оборвал его искренне удивлённый Алекс. – Тогда я за дело его так. А какие угощения были?

– Суши, ролы и солёная рыба.

Сдавленный смех разнёсся в машине, который вскоре подхватил и Кларкс, глядя на начальника, который смеялся, мотая головой и добавлял, что ничего страшного, от потери этого контракта фирма не обеднеет.

Кайен застрял в очень затяжной пробке, машины сигналлили друг другу, в воздухе повис запах гари и бензина – ничего особенного, кроме того, что Алекса это сегодня почему-то совсем не раздражало. Он опустил спинку сидения назад и закрыл глаза, после чего попросил Кларкса разбудить, как приедут.

В голове метались мысли и размытые воспоминания о вчерашнем банкете: шампанское, суши, кровь на лице бывшего коллеги, а теперь наверняка конкурента, побег с банкета, поездка за город, личный водитель, который привёз Алекса в загородный отель, а после был уволен по непонятным причинам, как обычно две девочки на ночь, чёрные стены комнат и затем глубокий сон на сидении новенького Кайена.

* * *

Небесный замок находился очень далеко от земли. Он был выбит из камня белой горы, парившей где-то в небе, при этом слишком далеко от человеческого взора и, даже, за пределами человеческих мыслей. Нет, это была не какая-то планета, это был просто «остров» земли, заполненный различными существами, полон причудливых растений, находящийся где-то в вечности.

Замок – главную достопримечательность остров, называли «АрхиИвон». Он служил последним рубежом между всем что есть: между Адом и Раем, Светом и Тьмой, Добром и Злом, Покоем и Вечными муками и бесконечными скитаниями в пустоте. Несмотря на масштабность этого сооружения, постоянно в нём находились и существовали только трое небесных судей – анифезаров, и несколько заблудших душ – путеводов.

Где-то в глубине древнего замка решалась дальнейшая судьба очередной души, которая запуталась и нуждалась в освобождении. Впрочем, нуждалась или нет – это ещё предстояло решить. Вообще человеческие души редко попадали в АрхиИвон, на так называемый небесный совет, но те, кому действительно нужна была помощь небес, либо кому боги не могли предложить какое-то конкретное дальнейшее существование попадали прямиком сюда, на суд. Но это был немного другой случай.

– Я никак не пойму, что с ним не так? – средний анифе-

зар – небесный судья, ходил по белоснежному полу главного зала.

Его шаги и голос эхом разносились по всему замку.

– Живёт человек нормально – как и все грешники, – с брезгливой насмешкой произнёс он. – Никогда никого не убивал, не воровал. Разве что один раз присвоил себе чужой бизнес, но так поднял же он его сам. Его никто не проклинал, возраст – ещё жить да жить. Так и пусть живёт себе дальше, после перерождения станет приматом, ну или галактической химерой, кто его знает. Боги решат.

Младший судья по имени Валимир – крепкий телосложением, одетый в серую рясу сидел в кресле и гладил душу котёнка, который крепко жался к тёплому телу судьи и дрожал от холода, при этом пытаясь мурчать. После горького вздоха Валимир снисходительно поднял взгляд на среднего брата и очень тихим голос спросил:

– Ну и чего ты не поймёшь-то, Ярополк?

– То и не пойму, зачем мы тратим на него время?

Широкие двери, украшенные алыми символами чистоты, распахнулись, и в зал вошёл старший анифезар. От него веяло мощью очень близкой к силе бога. Он был очень высоким, чёрная густая борода аккуратно подобрана, на поясе золотой рясы висел боевой меч. Это отличало его от остальных служителей. При его виде Ярополк невольно опустил голову вниз, а Валимир сосредоточил всё внимание на душе котёнка.

– Громоглас, приветствую тебя – обратился к старшему судье Ярополк.

– Перейдём к делу, но сначала я хотел кое-что сказать тебе, – вместо приветствия Громоглас сурово посмотрел на среднего анифезара. – Где ты летаешь? Где твой разум? С каждым днём ты становишься всё более похожим на людей. Мыслишь как они. Не видишь истины там, где она сама бросается в глаза. Скажи, о чём ты только думаешь? Что движет тобой в последнее время?

Ярополк горел со стыда и переступал с ноги на ногу, действительно точно так же, как и человек. Это было совершенно не присуще анифезарам. Пусть они не боги, но и не примитивные заблудшие человеческие души.

– Можешь ничего не отвечать. Твои горящие алчностью глаза говорят всё за тебя, – Громоглас подошёл к нему вплотную и шепнул на ухо. – Ещё раз замечу этот взгляд, придётся звать инквизицию.

Робкого кивка Ярополка было достаточно, чтобы понять – он принял внушение старшего наставника.

– Теперь вернёмся к делам насущным. Валимир, я слышал вести о новой душе, расскажи подробнее о её земном пути. В чём её беда?

Младший анифезар поднялся с кресла, котёнок спрыгнул на пол и побежал прочь, растворяясь в воздухе. Валимир встал в центре зала, провёл рукой по воздуху и перед взорами судей предстали очень яркие картины жизни этой ду-

ши, этакий короткометражный фильм. Вот он родился, вот его мать, учёба, а вот рядом с ним довольно привлекательная девушка, маленький ребёнок, странно, но это не его дочь. Затем картинки начали меркнуть, и постепенно фильм стал чёрно-белым. Океан, большой корабль, статуя свободы, множество лиц, работа, деньги, власть, Бостон, алкоголь, работа, алкоголь, серая квартира, деньги, алкоголь, власть и так далее. Короткометражный фильм закончился. Валимир начал комментировать заново появившиеся серые кадры беспристрастно и в своей спокойной манере:

– Это мужчина. Его имя на данный момент Алексис Фримен. Живёт и работает в Бостоне. Имеет собственный бизнес, который на самом деле украл, когда работал бухгалтером у бывшего директора. Но это всё, конечно, неважно и не считается грехом. Потому как он всё это делал без угрызений совести и абсолютно не в каких-либо целях. Он просто это делал и всё, ему это не приносило никакой радости, но и не доставляло неудобств. И вся скука, однообразие и серость его жизни – это всего лишь результат чего-то, что оборвалось в его судьбе, что-то сломило его и кардинально поменяло направление, по которому он должен был идти.

– Это тот момент, где все кадры становятся серыми? – спросил Громоглас.

– Да.

– Хорошо. В общих чертах понятно, что к чему. Я понимаю твоё недовольство, Ярополк, – Громоглас кивнул сред-

нему анифезару. – Обычно в таких случаях мы просто отправляем заблудшие души на перерождение, можно было бы сделать, конечно, и так, но...

– Но «кое-кто» сверху, – Валимир указал пальцем в потолок. – Хочет, чтобы мы дали этой душе ещё один шанс.

Глаза Ярополка, который был единственный не в курсе всех событий, расширились как никогда от удивления. Могло показаться, что он испугался. Ведь боги никогда не вмешивались в дела небесного совета. Да, они отправляли заблудшие души, но никогда не принимали участие в суде. Что это могло значить? Анифезары стали плохо справляться с работой? Нет, этого не может быть. Ярополк очень тихо и неуверенно переспросил, не поверив своим ушам:

– Как? Сам ОН хочет, что бы мы дали ему шанс?

Соратники кивнули.

– Но как мы можем дать второй шанс, ведь Громоглас правильно подметил, очень далеко ушедшие от своего пути души мы просто отправляем на перерождение. Как их можно вернуть на место, не вмешавшись в их жизнь?

– Есть лишь один путь, – Громоглас улыбнулся, что было на него не похоже. – Путевод номер четыре, зайди.

После команды старшего анифезара двери зала открылись, и в помещение зашёл человек. Обычный парень с тёмными волосами, среднего роста в приличном, но не дорогом сером костюме, какие носили все путеводы. Он невольно поклонился именно Громогласу, ибо перед его могуществом

нельзя было устоять.

– Не нужно кланяться, путевод. Мы не боги. А теперь, братья мои, пожалуйста, оставьте нас наедине, – Громоглас обратился к другим анифезарам. – Нам нужно поговорить.

Ярополк и Валимир послушно кивнули и растворились в воздухе.

– Ну что ж, номер четыре, понимаешь, зачем ты здесь?

Четвёртый лишь извиняющееся пожал плечами, так как души земных созданий и все остальные, кроме анифезаров, не могли разговаривать в этом мире. У них просто не было голоса.

– Мне кажется, ты довольно долго пробыл среди нас и сослужил хорошую службу, но пора тебе отправиться на покой.

В глазах путевода засверкали слёзы. Он не мог поверить в своё счастье. Покой, дом. Сколько неземных лет и космических секунд он думал и мечтал только об этом. И тут, наконец-то, свершилось. Ему даруют покой. Громоглас не выдержав, по-отцовски похлопал путевода по плечу, чтобы тот взбодрился.

– Да, это не иллюзия, четвёртый. Пора отдыхать. Но я смею просить тебя об одной, последней услуге. Это будет твоей последней миссией.

Невысокий человек-путевод быстро вытер слёзы и кивнул головой, давая понять, что он внимательно слушает. Огромный анифезар провёл по воздуху руками и вновь появился уже знакомый ролик. Жизнь Алексиса Фримена.

– Нужно помочь этому человеку, путевод. Это и есть смысл твоего существования. Предназначение, которое пришло время исполнить...

* * *

Чёрный Кайен мчался по серым улицам Бостона, не замечая ни пробок, ни светофоров. Солнце отражалось в тонированных окнах и ослепляло людей, поэтому все только и слышали рёв мотора несущейся в бесконечность машины. Водителя за рулём не было, а на пассажирском сидении, не обращая внимания на скорость и шум, спал Алекс Фримен. Больше этот человек никогда не проснётся, его земной путь завершён, но что-то должно было помешать этому, ибо этот человек был удостоен вторым шансом. И конец его жизни знаменовался лишь началом.

Навстречу чёрной машине ехал огромный грузовик, перевозящий топливные цистерны. Красного цвета, с сияющими по-рыцарски фарами и выхлопными трубами он рычал и злился. Машины ехали по шоссе с огромной скоростью друг на друга, это выглядело словно средневековый поединок храбрых воинов. До столкновения оставалось совсем немного, и Алекс приоткрыл глаза. Жуткий грохот раздался повсюду, столбы кричащего пламени потянулись вверх, а плавившееся железо Кайена кипело и растекалось по асфальту. Красный грузовик исчезал за горизонтом, не останавливаясь ни перед чем на своём пути в бесконечность.

Глава 2

Наверное, мало кто понимает, для чего нужны стандартные настольные будильники, на которых выставляется таймер и тебя будит этот ужасный писк. Но есть плюсы – под такой звук проснётся даже покойник.

Алекс с тяжёлым резким вздохом оторвался от кровати и поскорее поспешил отключить будильник. Сквозь открытые окна просторной бостонской квартиры в помещение проникал приятный весенний воздух, смешанный с шумом просыпающегося города и гарью выхлопных труб. Несмотря на лёгкую прохладу в горле пересохло, а тело покрывали мелкие капельки пота. Сердце билось сильнее обычного, в кончиках пальцев чувствовалась дрожь. Неприятное чувство тошноты, вызванное тревогой. Это то чувство, которое может привести к непредвиденным последствиям, если не испытывал его множество лет. Словно алкоголь или наркотики, которые при употреблении после долгого перерыва напрочь сносят крышу. Тревога это такой же наркотик.

Выйдя из большой светлых тонов спальни, Алекс проследовал на кухню, и, сняв с магнитной полки нож, обследовал комнату за комнатой, не пропуская ни единого угла и места где можно было бы спрятаться. Внутри бушевало странное чувство преследуемой жертвы. Лишь убедившись, что в квартире никого нет и проверив входные замки, он спокой-

но выдохнул и усмехнулся про себя: «Расслабься Фримен. Ты не так уж велик, чтобы на тебя покушались. Ну, с добрым утром».

Далее обычные утренние процедуры среднего бизнесмена. Включение радио в стереосистеме, принятие холодного душа, чтобы проснуться, крепкий кофе, чтобы привести мысли в порядок, свежевыглаженная рубашка, чтобы привести в порядок свой внешний вид. На часах было уже восемь часов. В голове крутились мысли о том, где же носит Кларкса, ассистента нанятого на прошлой неделе. К половине девятого должна прийти уборщица. Алекс зашёл в раздел «телефонная книга» и удивился, не обнаружив в ней нужного номера. Но ещё больше удивился, увидев номер уволенного водителя. Это что, шутка какая-то? Кларкс что-ли решил пошутить?

С улицы послышался знакомый сигнал Кайена. Алекс выглянул в окно: действительно, на парковке стояла машина фирмы. Фримен залпом допил кофе, взял со стола ключи, портмоне и вышел из квартиры.

– Шутники, твою мать, – выругался вслух он, проходя мимо серых стен подъезда.

* * *

Решив для себя оставаться спокойным несмотря на то, кто окажется за рулём, Алекс сел на заднее сидение машины, удобно откинувшись назад. За рулём сидел Билли. Полноватый мужчина лет тридцати-пяти, в солидном костюме и шо-

фёрской фуражке.

– Доброе утро, мистер Фримен, – дружелюбно начал он. – Погода сегодня дивная, извините, что немного опоздал. Сами знаете...

– Пробки, – серо оборвал его начальник.

Билли горько вздохнул. Вообще он был хорошим парнем. И в его частых опозданиях ничего принципиально страшного не было. Это никак не мешало делам. Вся деятельность фирмы была налажена и практически автономна. Алекс даже иногда думал о том, что если он умрёт или внезапно куда-нибудь исчезнет, то фирма так и продолжит выполнять свои функции. Это как создать робота для вечерних прогулок по городу, но проблема в том, что если ты заболеешь, робот всё равно пойдёт гулять, а ты будешь сидеть дома и умирать от лихорадки. Ведь он всего лишь программа: неидеальная, бездушная, сухая. А что такое душа? Странное слово. Бывали времена, когда Алекс задумывался об этом. Но чаще всего он приходил к тому, что всё это не имеет значения. Если и есть где-то «Душа» или что-то подобное ей, высшее, подразумеваемое под этим словом, то точно не в нём и ни в человеческом существовании. Вся жизнь не больше чем программа. Рождение, семья – закладывание морали и ценностей, работа, действия – функционирование программы, старость – потеря актуальности программы, смерть – конечный сбой. Отношения людей – покупки, продажи. Всё та же программа. Неидеальная, сухая, бездушная...

– О чём задумались, мистер Фримен? – оборвал мысли позитивный голос Билли.

– Да так, ни о чём.

Водитель понял, что начинать диалог бесполезно, поэтому полностью переключил своё внимание на дорогу.

Алекс вновь вспомнил о том, что на прошлой неделе уволил Билли. Так почему же он так любезен? Нужно выяснить всё сейчас и расставить точки. Привести эту нелепицу в голове в порядок.

– Послушай, Билли, – окликнул его спокойным голосом Алекс.

– Да, что такое? Остановиться? Вам дурно?

– Нет, нет. Всё в порядке, езжай. Только мне кажется, я что-то пропустил. Я ведь тебя уволил... позавчера, разве нет?

Кайен встал на светофоре. Билли повернулся всем телом к заднему сидению, где сидел его босс и посмотрел на него глазами полными испуга и непонимания:

– Что? Я узнаю это только сейчас! Но я не понимаю за что? – Билли медленно вернулся в обратное положение, загорелся зеленый, и машина снова двинулась. – Так это всё? Отвезти вас на работу и забрать документы в офисе?

Все эти вопросы ввели Алекса в полный ступор. Он не знал что ответить, ведь помнил, как водитель его высадил у лужи возле того дешёвого мотеля, как наступил в неё, после чего послал Билли куда подальше и сказал ему, что

тот уволен... или этого не было на самом деле? Ведь о произошедшем он узнал от Кларкса. Так, всё, надоели эти игры в Шерлоков Холмсов. Нужно просто спросить напрямую.

– Послушай, Билли, – начал тихо, пододвинувшись к нему Алекс. – В субботу что было? Ты ведь отвозил меня за город?

– Нет! На выходных я ездил за город, с дочками, я ведь у вас спрашивал, есть ли планы на выходные, вы сказали «нет» и я отпросился. Вы говорили, что не будете возражать.

– Точно, – кивнул головой Фримен. – Помню, помню.

На минуту в салоне автомобиля повисла тишина. Мимо проносились жёлтые машины такси, в городе всё было как обычно. Люди куда-то спешили, сырость земли и газ выхлопных труб поднимались вверх, создавая дымку, из-за чего казалось, что улицы похожи на дыхательные пути курильщика, наполненные парами смолы и никотином. Кайен затормозил.

– Приехали, – сокрушённо объявил Билли.

Алекс благодарно кивнул и, захлопнув за собой дверь, двинулся к большому серому зданию с надписью у входа «NextGen Inc.». Уже подходя к входной двери, он развернулся и поспешил обратно к машине, будто что-то забыл. После стука в водительскую дверцу окно медленно опустилось. Фримена встретил сокрушённый взгляд Билли, но это его никак не задело.

– Да, кстати, Билли. Чуть не забыл. Ты не уволен. Я что-то напутал, – Алекс скривил гримасу и покрутил рукой у виска. Лицо Билли озарило явное облегчение. – Заедешь за мной

вечером, окей?

– Удачного дня, мистер Фримен, – в своей привычной манере закончил Билли, с улыбкой только что спасённого пассажира Титаника.

* * *

Ладно, с этими пробелами в памяти всё выяснили. Может пора бросать пить? Точно, это до добра не доведёт, хотя куда ещё хуже. Теперь, когда голова освободилась, можно заняться делами.

Алекс Фримен сидел в своём кабинете, ожидая, когда зайдёт секретарша с кофе и планами на неделю. Он любил свой кабинет, точнее, ему было здесь спокойно. Здесь он чувствовал себя в безопасности, насколько это возможно. На стенах висела пара картин современного искусства, по большому счёту – обычное мазюкание кисточками и воском, но именно этим они и привлекали внимание Фримена. Своей простотой и непредвзятостью. Из окна офиса располагавшегося на верхнем этаже открывался панорамный вид на гладь города и восходящее солнце. Свет играл с рельефом бетонных строений, то лишь подчёркивая холодность серых монолитов, то создавая длинные световые клинки, пронзающие улицы. На мгновение это перебросило Алекса в далёкое прошлое: маленькая квартира, детский смех, оранжевая лампа светит на стену широким лучом, а кто-то крошечными детскими ручками неумело пытается играть в театр теней, и вот на стенах появляются примитивные силуэты ка-

ких-то существ, а иногда просто тени рук. Вот детские пухлые ладошки, затем руки взрослого. Они заботливо и нежно соприкасаются.

– Ваш кофе, Сэр, – последнее слово кокетливая секретарша выделила.

Сандра была молодой симпатичной типичной девушкой, каких множество. Она прошла к столу босса, старательно виляя бёдрами, затем поставила поднос. Алекс этого не видел, но ему не нужно было отворачиваться от окна, чтобы понять это – он наблюдал такую картину ежедневно. Сандра его не интересовала ни как женщина, ни как, в общем-то, и просто знакомая. Ему было до неё столько же дела, сколько дел планктону до космических кораблей. Но однажды по глупости, как это чаще всего бывает, по пьяной и нелепой глупости они переспали. С тех пор она стала относиться к нему как-то по-другому, будто он ей что-то должен после этого.

– Сколько можно повторять, не называй меня Сэр. Мы же не в армии, – Алекс невозмутимо сел в кресло и принялся размешивать кофе. – Что у нас на эту неделю? Давай по порядку.

– Планшет у Вас на столе, можете сами посмотреть, – ехидно, немного писклявым голосом произнесла секретарша, что Алексу очень не понравилось. Он бросил на неё холодный взгляд, после чего Сандра с обиженным видом взяла планшет и с горьким вздохом продолжила. – На эту неделю ничего особенного: во вторник день рождения председателя

комитета, в среду придёт партия товара из Японии, в четверг переговоры с «Silent Motors»...

На последнем слове, Алекс, размешивающий с невозможным видом кофе, вдруг замер. У него было странное ощущение дежавю. Только не мгновенного, какое обычно бывает, а затянувшегося, словно сон, из которого никак не выйти. К горлу вновь начал подкатывать нервный комочек тревоги.

– ... в пятницу собрание директоров, как всегда, в субботу банкет в резиденции тех же «Моторсов». Разумеется, вы приглашены, – Сандра подошла к нему поближе и, наклонившись, шепнула на ухо. – И можете взять с собой очаровательную спутницу.

– Ты не сказала, – Алекс всё с таким же отрешённым видом смотрел на бежевую гладь кофе.

– Что именно? – растерялась секретарша.

– Планы на сегодня. Каковы они?

На лице Сандры появилось явное разочарование, после чего она направилась к выходу, громко совершенно по-деловому произнося на ходу:

– Меня Вам видимо мало, вы решили нанять ассистента.

Сегодня собеседования.

Если бы Алекс стоял, то у него, вероятно, подкосились бы ноги. Он почувствовал пустоту под коленками, сердце учащённо забилось. Хотел было спросить у Сандры насчёт Кларкса и выпалить ей кучу вопросов, которые вновь появились в голове, но почему-то знал, что это не даст никаких

результатов. В этот момент его разум окутало ужасное одиночество и отрешённость от существующей действительности. Будто этот кабинет – это всё что существует. В висках застучало, время замерло, в голове появился странный звук. Звук звенящей пустоты. Но учащённые удары сердца подобно ударам в гонг начали приводить тело в чувство.

* * *

Дверь кабинета директора распахнулась, и в приёмную буквально вывалился взъерошенный, с ошарашенными глазами сам директор. Сандра при виде его вздрогнула и встревоженно спросила:

– Мистер Фримен, с Вами всё в порядке?

Тот сделал пару попыток что-то сказать, но вышло у него это не сразу:

– Эм... соедини меня с директором «Silent Motors», если будет говорить что занят, скажи, что дело срочное. Скинь информацию о товаре Японцев, который прибудет в среду и распечатку того, что имеется на складе. Во сколько сегодня собеседования?

– Собеседования начнутся с одиннадцати, – сказала секретарша, уже набирая номер на телефоне.

Алекс неопределённо качнул пару раз головой, что-то пробубнил про себя. И добавил:

– У нас ведь в штате есть офисный психолог?

На лице Сандры читалось изумление, смешанное с каким-то подвешенным состоянием растерянности:

– Да, конечно.

– Пригласи его, пусть зайдёт ко мне через полчаса.

– А может лучше я...

– Сандра! – от этого крика вздрогнула не только испуганная секретарша, но и кучка офисных зевак услышали сквозь стеклянные перегородки приёмной и удивлённо уставились на своего начальника. – Пожалуйста, просто сделай, как я прошу.

Уже заходя обратно в кабинет, Алекс рассеянно добавил:

– А какое сегодня число?

– Пятое, – голос Сандры был очень тихим и слегка обиженным.

Как и следовало ожидать – эта информация всё равно ничего не дала. Алекс вообще не считал числа, он жил от воскресенья до воскресенья, от первого числа месяца, до первого числа следующего месяца. Всё равно каждый день происходило практически одно и то же, и ничего слишком запоминающегося в буднях не было.

* * *

Следующие пару часов поисков ответов на вопросы не дали никаких результатов. Никто не понимал, что происходит. Сначала Алекс созвонился с директором «Моторсов», тот, на удивление, был очень рад слышать Алекса и без-умолку болтал о предстоящей сделке, о том, как здорово соединить компании, и пригласил к себе в резиденцию на субботний банкет. Но он точно помнил, что этот банкет уже был и чем

закончился (анекдотами про курицу и ударом по лицу этого самого директоришки), увольнение Билли. Затем похмелье в загородном мотеле и спасительное прибытие Кларкса. Кларкс... что-то не чисто с этим парнем. Но если не было собеседования, то он его ещё не успел нанять и, даже, не знаком с ним. Всё оказалось бредовым замкнутым кругом, в котором даже психолог не смогла разобраться. Полноватая дама лет пятидесяти, с опрятно уложенными волосами и узкими очками, которые она постоянно поправляла, внимательно слушала своего пациента-босса.

По началу Алекс не хотел говорить ей всё полностью – сочтёт за шизика. Но уже через полчаса он совсем потерял надежду и выложил все карты на стол. Всё что смогла сказать психолог:

– Мистер Фримен, вы очень много работаете. Может вам просто следует отдохнуть? Или как-то разнообразить досуг, – затем она словно партизан осмотрелась по сторонам и чуть подалась вперёд. – Знаете, чрезмерное потребление алкоголя может приводить к галлюцинациям. Могу дать номер хорошего специалиста.

Алекс тяжело вздохнул и, не отрывая ладоней от лица, сказал ей, что она свободна. Полная дама заковыляла к выходу словно пингвин, добавляя на ходу, чтобы он подумал над её предложением.

* * *

И так, одиннадцать часов, момент истины. В зале ожида-

ния собралось около дюжины молодых энтузиастов, готовых просто порвать друг друга за эту должность, рассчитывая на то, что она подарит им славу, процветание, деньги и карьерный рост. И будут они жить долго и счастливо. Все эти уверенные в своей индивидуальности личности расположились в комфортных кожаных креслах и думали о том, что совсем скоро они заполучат свой кабинет и ещё более удобный «трон».

«Кожаное кресло, это всё что их волнует» – думал про себя парень лет тридцати, стоявший отдельно от всех с пластиковым стаканчиком дешёвого кофе из автомата. – «И они считают себя идеальными, отличными от всех остальных личностями. Смешно». Ещё смешнее будет, когда через несколько секунд их мечтания о тёплом кабинете и личной секретарше оборвутся, и они вновь, словно собаки побегут в следующую фирму, толкая друг друга, спеша опередить всех остальных. Даже немного жаль их. Они ведь понятия не имеют, что их ждёт дальше.

– Мистер Кларкс Уордлингтонг, – позвала симпатичная стройная секретарша, зашедшая в зал ожидания.

Кларкс улыбнулся. Он любил блондинок. Что бы не твердили о них, они были не настолько глупы, как о них говорят, и не настолько умны, как их оправдывают. Идеальный баланс.

Молодой мужчина привлекательной внешности практически подлетел к секретарше, и так близко, что она немного

растерялась.

– Миленько у вас тут.

Девушка покраснела и, прикрыв смущённое лицо планшетом, хихикнула.

– Только вот кофе, совсем без кофеина, – наигранно, словно ребёнок Кларкс указал на пластиковый стаканчик. – Может, обновите мне? Кружечку чёрного. Надеюсь, я не отвлеку этой нелепой просьбой вас от важных дел?

– Нет, нет, что вы, – девушка смотрела на лицо парня и не могла оторвать от него глаз.

В его взгляде было что-то нечеловечески притягивающее, а улыбка, казалось, просто уничтожает тебя изнутри, и это было невероятно приятное чувство.

– Мне подождать здесь или вы сопроводите меня до места назначения? – парень рассеянно почесал затылок, поворачиваясь то к толпе своих «оппонентов», широко разинувших рты и переговаривающихся о том, кто это и что здесь делает.

– О да, конечно. Прошу прощения, что это я. Пройдёмте со мной, – девушка засеменила по длинному коридору, совершенно забыв о привычке вилять бёдрами

– Минуту, красавица, сейчас догоню, – Кларкс повернулся к сидящим в напряжении бывшим будущим работникам фирмы. Обвёл их взглядом. Он совершенно отличался от них внешне. Они все были одеты в выглаженные костюмы, белые рубашки, с яркими в меру галстуками, солидные позолоченные часы блестели на руках. – Мальчики и девочки, вы

на сегодня свободны, скажем так, вы проиграли этот бой. Вы ведь так считаете, верно? Жизнь бой, нужно быть жестокими, успеть занять своё место, добиться успеха не взирая ни на что. Так я вам скажу – чушь это всё. Вы же жалкие. Неужели вам так нравится это всё? Играть в продавцов и покупателей, жертв и хищников, гнаться за модой, престижем. Господа, сегодняшней отказ лучший день в вашей жизни, считайте, обстоятельства спасли вас от неминуемой жизни потребителей ненужного хлама и офисного планктона. Удачного дня, – подмигнул Кларкс и направился к выходу, но за спиной раздался грубый басистый голос.

– Считаешь нас ничтожествами? Да кто ты такой вообще? Посмотри на себя, ты ведь... жалкая пародия на панка, а внутри ничем от нас не отличаешься. А может тебе помочь, подкинуть денег? Прикупи себе пару новых брюк что ли.

Среди людей послышался одобрителный смех. Кларкс тоже слегка улыбнулся, и, не оборачиваясь, произнёс:

– Возможно, ты и прав, но знаешь, я не настолько ограничен в своих желаниях, чтобы заполучить кожаное кресло и провести в нём остаток жизни. А вы?

В зале повисла тишина, Кларкс, удовлетворённо улыбнулся, вышел в коридор навстречу послушно ожидающей его секретарше.

Глава 3

Вот он, момент истины. Момент, когда ставят диагноз, и ты точно узнаешь, на какой стадии рака находишься, узнаешь свои шансы на выживание. Момент, когда ты вот-вот узнаешь, жив ты, или уже мёртв и твоё тело просто находится в неподвижном положении в морге, а сам ты всего лишь приведение. Момент, когда, наконец, узнаешь сумасшедший ты или вменяемый.

Алекс внимательно изучал сидевшего напротив молодого мужчину. По виду лет тридцати, тёмные волосы убраны назад. Чёрная рубашка, из нагрудного кармана аккуратно протянута тонкая серебряная цепочка к одной из пуговиц. Глаза тонко подведены, но выглядит это не пошло, а наоборот делает их невероятно выразительными. Зрачки зелёного цвета похожи на змеиные, или, даже, драконьи. Несмотря на все эти изменения, Алекс точно мог сказать – перед ним сидит Кларкс. Он его узнал. Они оба сидели неподвижно, практически не дыша. Колени слегка тряслись. Стоило одному наклонить голову, второй тут же синхронно повторял его действия. Всё это было до невероятности жутко.

Оставалось понять, реален этот человек или нет. Алекс медленно поднял руку с вытянутым пальцем и потянулся им к лицу своего воображаемого друга или вполне реального человека. Стоило ему только коснуться кончика носа, как

Кларкс приглушённо крикнул:

– Бу!

Фримен от испуга так сильно откинулся на спинку кресла, что то, не выдержав веса, перевернулось ножками к потолку, сбросив своего хозяина на пол верх тормашками. Кларкс смеялся ровным и чистым смехом, напоминающим игру на ударной установке.

– Пожалуйста, пристёгивайте ремни безопасности, – его голос был размеренным и глубоким, словно голос столетнего мудреца, только с парочкой истерических ноток.

В кабинет зашла секретарша и чуть не выронила из рук поднос с горячими напитками, увидев, как её начальник выкарабкивается из-за стола с таким безумным видом, хоть кино снимай.

– Выйди! Я не просил кофе, у нас важный разговор, – тон Алекса был пропитан болью ушибленной головы и облегчением того факта, что он вменяем.

– Это не для тебя, это для меня, а... хотя Сандра молодец, и тебе принесла тоже, – Кларкс совершенно спокойно сидел на стуле, слегка покачиваясь, скрестив руки на груди. – Нет, босс, если ты не хочешь, я настаивать не буду, мы с ней выпьем, верно?

Совершенно растерянная Сандра поспешно оставила поднос на столе и со стыдливой улыбкой убежала подальше от этого объекта притяжения, чьё каждое слово вгоняло её в краску.

– Хорошая девочка, – с улыбкой, но отчего-то тоскливым голосом констатировал факт бывший «призрак».

Алекс открыл панорамное окно нараспашку и вышел на длинный балкон, давая свежему воздуху очистить мозг от всего произошедшего. И ему, правда, стало легче. Он знал теперь точно, что вменяем и абсолютно здоров, так что та дама-психолог может сама идти лечиться. А звуки Бостонских улиц возвращали его к реальности, заставляя чувствовать жизнь. Облокотившись на перила, рядом пристроился Кларкс.

– Гляди, – он указал на странного мужчину, танцующего на противоположной стороне улицы возле урны.

По виду бомж: темнокожий, в возрасте, с дырявой серой шапкой на бок. В руках у него было что-то жёлтое, и он это грыз, безмятежно танцуя. Похоже на кукурузу. Мимо него проходили люди, либо стараясь не обращать на него внимания, либо что-то бормоча под нос и отворачиваясь. Но ему было абсолютно всё равно, он стоял и танцевал. Это было очень занятно, будто бомж перестал быть бомжом, человеком и стал просто явлением. Мимо проносились машины, люди, а этот бедолага стоял себе и танцевал. В этот момент не трудно представить, что так будет вечно, как и бесконечно льёт дождь, падает снег, течёт вода.

– Эй, смотри, он нам машет, – не унимался Кларкс.

Бомж неожиданно остановился, увидев их, и пристально взглянул на Алекса, очень серьёзно и совершенно недру-

желюбно. Алекс напрягся, этот бомж был практически копией того старика в мотеле. И тут по лицу бомжа расплылась небрежная улыбка, демонстрирующая гордые одинокие пять-шесть зубов. Танцор поднял указательный палец и шуточно пригрозил им. От этого по телу пробежалась не то брезгливая, не то настораживающая дрожь.

* * *

– Я вижу, что ты успокоился, – глядя куда-то вдаль говорил Кларкс. – С одной стороны это хорошо, а с другой не совсем.

Алекс вопросительно взглянул.

– Ибо то, что ты узнаешь дальше, тебя шокирует куда сильнее... а вообще, может, прогуляемся? Я знаю одно замечательное местечко.

– Нет, говори сейчас, – решительно заявил привыкший решать всё на месте Алекс.

Кларкс тоскливо оглядел светлые стены кабинета и его небогатое содержимое: полированный офисный стол, несколько кресел, картины, демонстрирующие кляксы и прочие пустые фантазии художников.

– Разве тебе не надоело это место за столько лет? Идём, я настаиваю.

* * *

Они вышли на улицу. Солнце светило очень ярко, но из-за горизонта надвигались редкие тучи. Алекс хотел взять машину, но его новый друг был очень настойчивым и сказал,

что хочет прогуляться. Шагая по городу, Кларкс постоянно что-то тихо говорил с неодобрительными вздохами, проходя мимо Макдональдса или киноафиш, и что-то комментировал по поводу городских пробок, о том, что люди сами создают их, покупая машины.

– Ну вот, пришли.

Они забрели в небольшой закоулок и остановились напротив рок-клуба – небольшой двухэтажной пристройки к жилому дому. Облезлые кирпичи местами выглядывали из под разбитой штукатурки. У входа с вывеской «Golden Frost» стояло около десятка молодых людей в косухах, с ирокезами, распивая спиртное и слушая какую-то песню, играющую из динамика мобильного телефона одного из толпы.

– Это и есть твоё замечательное место? – скептически спросил Алекс.

Кларкс улыбнулся:

– Пойдём.

Они не пошли внутрь клуба, а прошли по вытоптанной тропинке за пристройку. Это был тихий и уютный дворик с пустой детской площадкой. Немного заржавелые одинокие качели мерно маялись то взад, то вперёд. Снег уже давно растаял, но лужи ещё кое-где виднелись, почва была размокшей и из неё торчали жёлтые необрунные ещё с осени листья. Всё это было необычно для Бостона, но привычно для Алекса. Он почувствовал что-то знакомое, навеивающее воспоминания о доме.

– Присаживайся, – Кларкс уселся на качели, приглашая своего спутника на соседние.

Тот послушно сел.

– Скучаешь, значит, по дому, да? – Кларкс не спеша раскочивался глядя на стайку голубей, купающихся в луже. – Нет, я не телепат. Не бойся. У тебя это на лице написано.

– Откуда ты знаешь? – встревожился Алекс, хотя практически не удивился.

– Ты мне недавно сам об этом рассказал, Саша.

Когда он произнёс это имя, внутри Фримена что-то неприятно колыхнулось под желудком. Не желая продолжать тему о прошлом, он перешёл к делу.

– Кларкс, рассказывай. По порядку. Что происходит? Как я очутился в стране Оз?

– Шутишь, значит, – Кларкс грустно улыбнулся. – Это хорошо, люблю шутки.

Затем он неожиданно прыгнул с качели, подошёл вплотную к Алексу и посмотрел в его глаза, казалось, что этот взгляд проник в самое подсознание, а затем спокойно, но утвердительно произнёс:

– Алекс, ты мёртв.

На мгновение все звуки стихли: птицы перестали петь, а ветер не качал кроны деревьев, неумолимо тянувшихся к весеннему пасмурному небу, просящих забрать их наверх.

Несколько секунд «мертвец» смотрел широко открытыми глазами с открытым ртом на безумца, утверждающего, что

он мёртв, хотя сегодня он чувствовал себя живым как никогда. Затем по его лицу медленно начала расползаться улыбка.

– АЛЕКС! – Кларкс тряхнул его со всей силы за плечи и затем снова громко и чётко повторил. – Ты. Мёртв.

Не выдержав, Фримен что было сил оттолкнул безумца от себя, что тот едва не упал. Поднялся с качели и быстрым шагом, почти бегом направился прочь из этого провонявшего сыростью двора. Кларкс не стал гнаться за ним, зная, что всё равно это не даст никаких результатов. «Ему нужно „переварить“ это всё» – подумал он про себя. Фигура человека бегущего от смерти удалялась всё дальше и дальше.

* * *

Сердце стучало подобно колёсам товарняка, кровь, отойдя от конечностей, прилиwała к голове. Виски пульсировали. Что? Какого чёрта? Этот панк-псих просто ненормальный. Что он несёт? Но если это неправда, то почему же тогда его слова так болезненно приняты совершенно здоровым живым адекватным человеком?

Алекс бежал по дворам не глядя под ноги: наступал ли он в чавкающую грязь или лужи – ему было всё равно. Он выбежал на главную улицу, первой мыслью посетившей его было – поймать такси. Двигаясь с большой скоростью по городским джунглям, расталкивая прохожих руками, он высматривал на проезжей части спасительную жёлтую машину.

Наконец, взгляд зацепился за нужный объект на противоположной стороне улицы.

Фримен кинулся вперёд, решив не ждать безопасного зелёного сигнала, перебежками, аккуратно пропуская машины. В его адрес раздались раздражённые автомобильные клаксоны и крики водителей. Справа раздался раздирающий звук торможения и запах жжёной резины. Беглец обернулся и увидел красную Феррари, перед которой стоял неопрятный темнокожий мужчина и извиняющееся разводил руками. Водитель машины вышел и начал кричать на него. Не желая разбираться с этим, Алекс добрался до такси и завалился на заднее сиденье.

– Куда едем?

– Пока езжай прямо, – странного клиента мучила отдышка. – А там посмотрим.

– Окей, – водитель кивнул, и машина тронулась с места.

* * *

До чего же всё-таки мы предсказуемы. И глупы. А ещё трусливы. Слепы. Кларксу оставалось только надеяться, что осознание смерти дойдёт до его подопечного как можно скорее, ведь времени дано не так уж и много. На самом деле, он не понимал, что особенного в Алексе Фримене. И зачем анифезарам он только понадобился? Но по непонятным пока ещё причинам Кларкс искренне хотел помочь ему. Было что-то в нём такое, что отличало его от остальных, подобных ему людей.

Вечерело, тучи затянули небо, что делало улицы неприветливыми и холодными. Становилось зябко, но Кларкс привык к холоду за долгое время пребывания в состоянии бесплотности. Он решил пойти в рок-клуб больше для развлечения, чем для того, чтобы согреться.

В помещении играла музыка из массивных колонок. На сцене настраивали аппаратуру несколько техников – судя по этому, скоро должен начаться концерт какой-нибудь группы. Это сразу подняло настроение Кларксу.

– Пинту «тёмного» – утвердительно хлопнув по барной стойке, обратился к пузатому мужчине в клетчатой рубашке Кларкс.

– Как скажешь, тёмный, – усмехнулся весёлый бармен. Судя по всему, он имел в виду внешний вид, сказав «тёмный».

– Кто играет сегодня?

– «Зондеры».

– Мм, звучит внушительно, – чуть наигранно произнёс Кларкс, отпивая из кружки. – А как они в деле?

Бармен наклонился, от него пахло сигаретами, и шёпотом ругнулся:

– Они чертовски хороши, скажу по секрету: вокалист – мой старший сынок, – толстяк снова вернулся к своим обязанностям и продолжил. – Когда ему стукнуло двадцать, его младший брат уже учился в колледже. А Сэмми – это старший, ни о чём не думал кроме музыки. В башке одни ноты,

тексты и мечты. Я ему постоянно твердил: «устройся на работу!», «посмотри на своего брата», «подумай о будущем»!

– А он либо посылал тебя, либо говорил, что соберёт группу, заработает много денег и будет тебе присылать открытки раз в год, – вставил свою реплику Кларкс на день благодарения.

– Ты прав, друг, практически так всё и было. Но только мой мальчик отличается от этих пустоголовых «позёров», которые думаю, что купили гитару и будут разевать рты под фонограмму, гребя деньги лопатой. Нет. Сэмми, правда, талантливый парень, я смотрю на него, слышу его песни и вижу, как всё это идёт у него изнутри, каждое слово, каждая нота, которую он поёт, идут от чистого юношеского сердца, от его души...

– Будто бы он и есть душа!

– Верно! Ты мне определённо нравишься, тёмный, – бармен весело подмигнул.

– Так и что было дальше, ваш с ним конфликт.

– Так вот, значит, пилил я его, пилил. Даже пару раз просил младшего поговорить с ним, но оба раза закончились дракой. И так продолжалось до тех пор, пока у меня и у Сэмми не сдали нервы. Я тогда завтракал перед работой. И вижу, как он спускается по лестнице с рюкзаком и гитарой. Он подошёл ко мне и просто молча уставился. Я тоже смотрел. Как мне тогда казалось, я видел в его глазах решительность и наглость, но сейчас я понимаю – это были глаза мальчи-

ка, который просто потерял веру в близких, – глаза бармена слегка заслезились, он шмыгнул носом и продолжил. – Я ничего не сказал, он тоже. Спустя минуту он просто вышел на улицу, и я знал, что больше он не вернётся. Я был так зол, но сейчас злюсь ещё сильнее от того, что не остановил своего мальчика.

– Пинту зелёного, – послышался рядом женский голос.

– Его не было три года. Мне страшно подумать, где он был, где ночевал, с кем, в каких условиях. Но однажды, я выходил с работы, тогда я ещё был автомехаником, на улице шёл дождь, уже стемнело, и тут я подхожу к своей машине и вижу сидящую рядом фигуру, а на земле лежит гитара, и об неё стучат капли дождя. Увидев меня, Сэмми сразу встал, он очень гордый, – Бармен улыбнулся.

– И ты, конечно, крепко обнял его? – женщина курила дамскую сигарету

– Нет.

– Ты ему врезал? – подхватил Кларкс.

– Да нет же! Мы просто оба молча сели в машину. Я не мог смотреть на мальчика, поэтому даже не стал включать свет в салоне. Мы просто поехали домой. Всё это время мы молчали, сейчас я даже не понимаю, как я мог быть таким глупым мураком, пропитанным злостью к своему собственному ребёнку. Сэмми отправился в ванную, а я поставил чайник, жена к тому времени меня бросила, а младший женился и уехал в Калифорнию. И вот я сижу на кухне, смотрю в пустоту и из-

за угла робко, ну точно нашкодивший мальчишка выходит мой сын. У меня открылся рот, когда я его увидел. Он не был похож на себя прежнего. Под глазами синяки, щёки впали, у виска шрам, его руки были не толще ножки стула, а на пальцах левой руки, совсем не было кожи, только воспалённые окаменелые волдыри и мозоли.

Слушатели затаили дыхание.

– В этот вечер мы обменялись всего несколькими банальными фразами, поужинали, после чего Сэмми сказал, что очень устал и пошёл спать. В ту ночь, я не сомкнул глаз, я просто сидел и плакал, представляя, что пережил мой сын, и всё только из-за упрямства и непонимания друг друга, – бармен горько вздохнул и затем добавил. – Да что там непонимание, проще сказать, из-за меня.

Повисла тишина, лишь доносилась негромкая музыка из колонок.

– Но сейчас, по-видимому, всё хорошо?

– Утром мы сели завтракать. Сэмми сел напротив меня и сказал: «Прости меня пап, я был глупцом. Ты не мог бы одолжить мне один из старых костюмов? Я сегодня же пойду искать работу». Я посмотрел в его глаза. Они были серыми, выцветшими, совсем не такими как раньше. Словно у обездоленного, отработавшего сорок лет на заводе пенсионера. Затем мой взгляд переключился на валяющуюся в прихожей гитару. И здесь во мне вспыхнул огонь, который мог бы греть меня все эти годы. Я так резко встал из-за стола и кинулся

к Сэмми, что он напугался. Я рывком поднял его со стула, и сказал «Не смей!». После чего обнял его, и мы оба заплакали. Это были слёзы детских сердец, брошенных жизнью и покинутых счастьем.

Девушка, сидевшая рядом, извинилась и, сорвавшись со своего кресла, убежала в туалет, кажется, она заплакала. Кларкс не отводя глаз, требовал продолжения.

– Ну а затем я пару недель думал, как же всё устроить. Я понимал, что для такого человека как Сэмми, жизнь рабочего или клерка – не жизнь. Он создан для того, чтобы давать надежду остальным своими песнями, своей музыкой. Так же как дал надежду мне. И вот, после одиннадцати дней поисков и одной минуты раздумий, я продаю дом, покупаю маленькую квартиру в пригороде для меня и сына, и беру в аренду это место. Деньги не большие, но на всё житие-бытие хватает. А большего и не надо, главное дать толчок Сэмми, чтобы он не торчал вечно в этом баре, а вышел когда-нибудь на большую сцену, хотя, мне кажется, он вполне доволен уже той сотне постоянных слушателей, которые приходят на его концерты. Он счастлив, и в его глазах снова светится огонёк, а мне большего и не надо.

Эта история тронула Кларкса настолько сильно, что казалось, он сам пережил её. Он отставил пиво чуть в сторону и протянул руку бармену. Тот, немного не ожидавший такой реакции, сделал ответный жест, предварительно протерев ладонь полотенцем.

– Как твоё имя?

– У меня простое, рабочее. Боб, – усмехнулся бармен.

– Боб, – голос Кларкса был ровным словно вода в штиль. –

Спасибо тебе.

– За что это? Ты же заплатил за пиво.

– Ты хороший человек, Боб. И попадёшь в Рай, я в этом не сомневаюсь.

– Ой, да ладно, какой там, на мне грехов не сосчитать, – попытался пошутить, но «тёмный» чуть сильнее сжал его руку и снова утвердительно произнёс:

– Боб, ты хороший человек.

Бармен смутился:

– Ну ладно, ладно. Как скажешь, о, смотри! Скоро начнётся.

Помещение постепенно стали заполнять люди разных возрастов. Они также отличались внешне: работяги в клетчатых рубашках и дешёвых ботинках, парни, работающие в офисах, с распущенными галстуками и расстёгнутыми воротниками – это знаменовало конец их рабочего дня и то, как же их достала жизнь. Небольшая группа «старых» панков с ирокезами и кожаными куртками с шипами, не заказывая пива, сразу пошли к сцене, занимать лучшие места. К бармену подходили люди, делали заказы, со всеми он о чём-то успевал перекинуться незатейливыми фразами, шутил. Светлого человека сразу видно по его простоте и грустным глазам.

Так, решено. Кларкс был намерен получить удовольствие

от концерта:

– Эй, Боб.

– Да, Тёмный, ещё пива?

– Не откажусь, а откуда здесь вид и звук получше?

– Сейчас организуем, Хейли, – бармен окликнул официантку, пронесившую мимо пустой поднос. – Проводи этого красавчика в ложу.

Кларкс улыбнулся. Стройная темноволосая, короткостриженная официантка проводила его к диванчикам, поставленным в круг и отгороженных от других столиков невысокими гипсовыми стенками. И правда, отсюда открывался прекрасный вид на сцену. Не успел Кларкс расположиться, как откуда ни возьмись появилась молодая девушка и села прямо напротив него. Её глаза были густо подведены чёрным, чёрные волосы убраны назад, чёрная рубашка, цепочка в нагрудном кармане. Словом, выглядела она, в точности, как сидевший напротив Кларкс, который удивлённо пялился на девицу. Она явно это заметила и перешла в атаку:

– Так, давай сразу кое-что проясним, – её голос был похож на электродрель, как у подростка. – Во-первых. Клеиться я к тебе не собираюсь, в отличие от многих в этом зале. Во-вторых, то, что мы «одинаковые», я заметила только сейчас. В-третьих, я просто пришла получить удовольствие от концерта, поэтому, пожалуйста, не доставай меня глупой болтовнёй и всё такое, окей?

Кларкс вспомнил себя в юности и, широко улыбнувшись,

продемонстрировал девушке жест «рот на замок». Максимализм – вот что движет человеком, пока он достаточно молод, чтобы совершать глупости, и достаточно глуп, чтобы говорить свои мысли в лицо кому угодно в самой грубой форме.

К столику между диванчиками подошла знакомая официантка и, поставив кружку пива, подмигнула Кларксу: «За счёт заведения». Затем немного нерешительно поинтересовалась, не желает ли чего-нибудь его подруга.

– Подруга-клон, – обратился к девушке Кларкс. – После того, как я тебе закажу выпивку, мои кости очень сильно страдают?

Некоторые секунды девушка сверлила его оценивающим взглядом едва заметно покусывая свои пухлые губы цвета тёмной вишни, затем правый уголок её рта дрогнул и она снисходительно улыбнулась.

* * *

Группа Сэмми действительно оказалась очень хороша. Как только он и его ребята вышли на сцену, их встретили бурными овациями и ликующими выкриками. Играли добрый тяжёлый гранж. Во время исполнения некоторых песен по коже пробегали мурашки. С подругой-клоном Кларкс всё-таки разговорился, она была точной его копией в подростковом периоде. В этот вечер они много смеялись, вместе выходили к сцене и прыгали в такт жёстким ударам барабанщика среди таких же, как они: свободных, светлых, равных друг другу людей. Здесь каждый был самим собой. Только

на мероприятиях подобного рода людям наплевать на мнение окружающих – они избавляются от всех своих комплексов, вызванных эгоцентризмом и навязанных масс-медиа. Не навсегда, но хотя бы на пару часов. Голос вокалиста рвал весь зал на части, особо преданные поклонники группы кричали тексты песен вместе с ним, пока у них не срывало голоса, тогда они шли к барной стойке за пивом и возвращались с новыми силами. Голова кружилась от духоты, алкоголя и запаха пота, но даже если бы сейчас случился конец света, все, кто находился в помещении, встретили бы его именно здесь.

Примерно через полтора часа Сара, так звали спутницу Кларкса, изрядно выпила и её стошнило. Благо, Кларкс успел вывести её из толпы, поэтому обошлось без проблем. Он попросил бармена вызвать такси, узнал у кого-то из панков её домашний адрес. Машина подъехала к парадному входу. На широких ступеньках кто-то сидел и курил, кто-то лежал. Устраивая Сару на заднем сидении, Кларкс заклинал водителя, чтобы девушка доехала домой целой и невредимой, и припугнул его тем, что запомнил номер авто.

Собираясь захлопнуть дверь, Кларкс почувствовал мягкое женское прикосновение на своём бедре.

– Подожди, – вяло, но довольно внятно произнесла Сара. – Ты ведь не настоящий, верно?

– Так же, как и ты, – добродушно улыбнувшись, ответил Кларкс, держа девушку за руку.

– И ты точно не человек?

– Человеком нужно стать, малышка. И тебе, и мне.

– Мы ведь больше никогда не увидимся? – в голосе девушки звучала тоска и обречённость.

– Нет, никогда.

Сара тяжело вздохнула:

– Жалко, – и добавила. – Тогда поцелуй меня.

Кларкс наклонился и крепко прижался губами к тёплому, немного солёному на вкус лбу девушки. Затем он захлопнул дверь, и жёлтая машина уехала за пределы двора.

* * *

– Минутку внимания.

Публика одобряюще поддержала идею вокалиста – Сэмми.

– Сегодня особенный день, пятое апреля.

Кларкс, стоявший у барной стойки, пытался понять, чем может быть знаменательна эта дата.

– Именно в этот день погиб замечательный человек, музыкант, которого вы все знаете. Основатель группы «Nirvana» – Курт Кобейн. Он умер молодым, потому что в трудную минуту ему не на кого было опереться. И вместе с ним погибло целое поколение.

После секундной паузы Сэмми продолжил:

– Меня могла ждать такая же участь, но к счастью, со мной оказался человек, который сказал «Не смей сдаваться!». Это

мой отец, он стоит за барной стойкой.

Зал взорвался овациями и все обернулись к бармену в клетчатой рубашке, который улыбчиво смотрел на своего сына с гордо поднятой головой.

– Спасибо, папа. Эта песня Курта Кобейна, ты её очень любишь. Мы сыграем её сегодня специально для тебя.

Кларкс стоял и смотрел в пустоту, отброшенный от реальности, одинокий и подавленный. Всё перед его глазами стало туманным и нереальным, на пол упала слезинка и разбилась, как разбивается хрупкая стеклянная жизнь. Со стороны сцены заиграли первые ноты известного всему миру хита «All apologies». Двери клуба широко распахнулись и одним человеком в помещении стало меньше.

Глава 4

И почему мы считаем, что происходящее с нами после смерти, должно быть чем-то особенным? Наверное, всему виной неисправимое человеческое желание счастья и надежда на существование такого времени и места, где не придётся больше страдать из-за бесконечной суеты, поисков ответов на вопросы. Такая реальность существует, но подойдёт она далеко не каждому, поскольку человеческие души так плотно привязываются к своей оболочке – телам, что забывают об истинной природе своего существования. Тело позволяет чувствовать вкус еды, болотный запах побережья, слышать шум волн и крики чаек, видеть своё отражение в зеркале, что позволяет осознать себя как материальную точку. А существование за пределами материй просто не поддаётся никакому объяснению. Его не увидеть глазами, не почувствовать кожей. Именно по этим причинам душе очень трудно отвергнуть телесную оболочку, но если ты всё ещё можешь дышать, бояться и мыслить, это ещё не гарантия того, что ты не приоткрыл дверь в мир духов.

Этот день оказался самым долгим в жизни Фримена. Он постоянно повторял про себя, что Кларкс безумец, шарлатан, нанятый кем-то психолог с целью свести его с ума. Но тревога в подсознании не засыпала ни на минуту, всё шло совсем не своим чередом.

По дороге к офису водитель такси рассказывал какие-то «свежие новости», курс доллара снова упал, по радио объявляли победителей Евровидения и всё это Алекс уже слышал, знал. Добравшись до места работы, он сделал ещё пару попыток проверить степень своего сумасшествия. Все звонки, все последние новости, даже разговоры подчинённых указывали на одно – Фримен точно уже проживал этот день.

Когда все работники офиса покинули здание, Фримен остался один. Стоя на балконе, он смотрел на ночной пейзаж Бостона. Копошение людей было заметным ещё больше, чем с утра: машины сигналили друг другу, жёлтые фонари улиц отражались в окнах домов и в прозрачных лужах, оставленных дневным дождём. Одним словом, город был полон света и жизни, но стоило поднять голову выше и перевести взгляд на небо, начинало казаться, что это скопление улиц, домов и фонарей – единственное обитаемое место среди холодного и непроглядного мрака.

Алекс точно знал, что сегодня не уснёт, поэтому поехав домой захватил с собой бутылку текилы, припрятанную в нижнем ящике стола.

* * *

Действие алкоголя практически сразу дало о себе знать. В голове появилось приятное головокружение, и мысли унесло в дальний полёт воспоминаний. Лёжа на кровати и бездумно пялясь в потолок с сигаретой в руке, Алекс вспоминал серые стены старой коммуналки, подсвечиваемые ми-

гающими лампочками. Громкий смех весёлых подростков, рассеявшихся в круг около большой серой сумки с добром, украденным у фарцовщиков.

– Ну, это кому, пацаны? – спросил коренастый парень, вытаскивая из сумки французское женское бельё.

Мальчишки ответили дружным и весёлым смехом. Но один рыжий парнишка попросил дать ему, сказав, что сделает из этого рогатку.

– Так, Пухлый, это тебе, – коренастый протянул красную клетчатую рубашку в европейской упаковке. – Молодец, заработал.

Пухлый благодарно принял презент.

– Хилый, тут книжка какая-то, ты же изучаешь английский? Значит, бери, потом расскажешь, о чём она. Рамзан, тебе перочинный ножик.

– А с чего это ему ножик? – возмутился один из толпы.

– А тебе-то он на что? Всё равно у тебя руки-крюки. Вот держи, тебе джинсы. Шмыга, эта пластинка тебе. А что это у нас тут...

Коренастый аккуратно достал из сумки бутылку импортного портвейна. Команда бандитов одобрительно вскинули руки вверх и все принялись радостно прыгать.

– Пацаны, гуляем!

Радость оборвали озлобленные крики, эхом доносящиеся с нижних этажей:

– Они здесь! Наверху.

– Малолетки-недоделки, руки оборву, если товар распечатали!

– В рассыпную! Саня, сумка на тебе! – скомандовал коренастый, подавая сумку невысокому, крепкому парнишке в старой помятой куртке и с совершенно растерянным видом.

– А почему я-то?

– Шурик, ты быстрее всех.

Это было, к сожалению, правдой. Со стороны лестничного марша уже слышались тяжёлые шаги фарцовщиков. У Саша задрожали колени. Он не знал, в какую сторону бежать, но крики угроз вывели его из ступора. Прямо навстречу ему, по узкому, забитому хламом коридору заброшенной коммуналки мчался взрослый широкоплечий парень. Саша рванул что было сил в противоположную сторону, к другой лестнице. Едва он выбежал на площадку пятого этажа, как увидел направляющегося снизу ещё одного враждебно настроенного фарцовщика, в его руках был нож, а в глазах злорадия и решительность. Пути к отступлению были перекрыты, и не оставалось ничего кроме как бежать на крышу.

Дверь распахнулась, лицо обнял сиреневый зимний вечер и трескучий мороз. Саша вскочил на самый край крыши и услышал звук милицейских сирен. Две сине-белые машины с мигалками подъехали к подъезду и из них высыпали люди в форме. В сторону рощи, находившейся неподалёку, быстро двигались фигурки едва различимых в темноте дру-

зей. Они успели прорваться, а он – самый быстрый попал в западню. На крышу вышел запыхавшийся погонщик. В его глазах горел огонь, рука крепко сжимала нож:

– Ну, всё, молись, щенок!

Мальчик дрожал от холода и прижимал к себе сумку, будто она была единственной защитой от нападавшего. Саша посмотрел вниз, его взгляд вдруг сменился решительностью, и здесь он сделал то, чего никто не мог ожидать, даже он сам. Он бросил сумку в сторону, шагая с парашюта. Тело мальчика стремительно направилось вниз, словно орёл во время нападения.

Полёт был не долгим. Жгучая боль в ногах и раздражающий кожу январский снег заставили лёгкие сжаться в маленький шарик, который через несколько секунд расширился и чуть не лопнул. Саша закричал, вырываясь из снежных оков сугроба.

Придя в себя, он уже находился в относительно уютном отделении милиции. Где покуривая, сидел дежурный, по радио звучала какая-то очень старая песня времён войны. Гудение генератора мягким гулом обнимало помещение. Мирно потрескивали люминесцентные лампы. Саша, сидя на скамье, откинулся к голубоватой стене, закрыл глаза и расслабленно улыбнулся.

* * *

Как же шумит в голове. Алкоголь действительно спасительная вещь в такие дни. Помогает телу отключить нервную

систему, словно маленькие проводки, ведущие к источнику тока, но этот трескучий шум был явно эффектом побочным. Постепенно Алекса, лежащего на своей уютной кровати, начала одолевать дрожь. Но не от холода, а от влаги, которая частыми капельками стекала по вискам, предплечьям и пояснице. Неужели это тоже из-за воздействия текилы на организм? Окончательно из мира воспоминаний Алекса вытащил едкий запах дыма.

Глаза распахнулись. Сдавленный стон вырвался изнутри. Светлые стены спальни играли красными, оранжевыми и зеленоватыми оттенками, смешанными с обилием грязных цветов копоти и гари. Кровать уже полностью пожрало пламя, медленно, но настойчиво расплзающееся по деревянному паркетному полу.

В голове творилась не паника, но хаос. Лёгкие пропитались горечью, а глаза, казалось, вот-вот превратятся в вытекающую слизь. Алекс метался от стены к стене, растирая лицо руками в попытках понять что происходит.

Сквозь открытые окна послышалась спасительная сирена пожарной машины. На секунду Фримен замер, но подобранный огонь ужалил его в ногу. Закричав, он кинулся к спальню двери движимый жгучей болью и единственной мыслью, звучащей в голове – «На улицу». Но едва открыв дверь, ведущую в длинный коридор, и сделав первые шаги, Алекс почувствовал, как его спина, затылок и ноги стали пульсировать смертельно ледяными ударами – поток

воздуха, вырвавшийся из спальни в коридор, стал крыльями огнедышащего дракона, догоняющего жертву. В этот момент Алексом овладевало одно лишь желание – глоток свежего воздуха. До входной квартирной двери слишком далеко. Просто невыносимо. Каждый шаг казался вечностью и приближал тот момент, когда огонь съест кожу, затем мышцы и следом нервные узлы.

Кричащий безумец с уже почти полностью возгоревшимся телом бежал в гостиную, оставляя следом за собой полосы огня, как бактерия двигается по кровеносной системе, заражая всё чего касается. Глаза перестали различать контуры мебели, стен – работали одни инстинкты. Наверное, только в экстремальных ситуациях человек обладает такой силой, что может с разбегу вынести балконный стеклопакет и пролететь перед падением вперёд ещё метров десять. Так и случилось с Алексом. Крича в истерике, он разбежался и прыгнул навстречу очередной смерти, через балкон, оставляя за собой шлейф крошечных осколков стекла, пластиковых рам и яркую полосу света.

Через несколько секунд падения, уже безжизненное тело встретил холодный и мокрый асфальт.

Глава 5

Это утро было совершенно другим. Вместо тревожного звона будильника по радио чуть слышно звучал мягкий повесенному озорной голос ведущего радиопередачи «Доброе Утро, Бостон» на фоне лёгкой джазовой музыки:

– Доброе утро, Бостон! Сейчас семь часов утра, температура воздуха плюс шестнадцать, влажность сорок процентов, а на календаре начало новой недели – пятое апреля!

Алекс открыл глаза, едва услышав дату. В голове не было ни одной мысли, а сердце не сжималось тревогой.

– День обещает быть чудесным, но всё зависит от нас, вы же понимаете о чём я? – далее лёгкий смех. – Я Бари Макал, ведущий программы «Доброе утро, Бостон»!

У открытого окна летали воробьи, чирикавая и попрошайничая у проснувшегося хозяина квартиры хлебные крошки или что-нибудь, чем можно полакомиться привычным весенним утром. А почему бы и нет? Нужно сходить на кухню, проверить, что там завалилось. После пяти секунд навязчивых нот заставки Бари снова заговорил:

– Прежде, чем начать, хочется немного рассказать о...

Алекс лениво побрёл на кухню, открыл один шкаф, второй, затем выдвигаемые ящики с вилками и ложками. Тем временем радиоведущий рассказывал о каком-то музыканте, который умер в этот день ровно двадцать лет назад. Затем за-

играла одна из его песен, так и неизданных на пластинках, довольно мелодичная, красивая тема. Безрезультатно обследовав холодильник, Фримен вернулся в спальню, подошёл к окну и обратился к воробьям:

– Парни, сегодня ничего нет. Извините.

Один из воробьёв сел на подоконник и о чём-то настойчиво зачирикал. Алекс его внимательно выслушал, а затем удивлённо спросил:

– Серьёзно? Ты уверен? Сейчас проверю.

Он нагнулся, встал на четвереньки и заглянул под кровать. Затем протянул руку и что-то вытащил оттуда. Это была почти пустая пачка чипсов.

– А ты был прав, приятного аппетита.

Алекс высыпал содержимое пакетика на подоконник, и с полдюжину воробьёв принялись усердно клевать, царапая клювами и когтями белоснежное пластиковое покрытие.

– Теперь, не будем о грустном, а вернёмся к делам насущным! – снова зазвучал голос радиоведущего.

Алекс сходил ещё раз на кухню, выпил стакан воды. Достал из кармана куртки, висевшей в прихожей, пачку сигарет и побрёл на балкон. В эфире поведали, как обстоят дела с курсом доллара, приблизительный прогноз погоды на неделю, а затем в студию пришёл какой-то европейский доктор со странной фамилией и начал рассказывать о своей теории: он утверждал, что если закон сохранения энергии применим абсолютно ко всему существующему на земле, то энер-

гия, которая покидает наши тела после смерти, обязательно должна где-то оставаться, и если накопить этой энергии достаточное количество в одной точке, то можно приоткрыть завесу смерти, тайны мироздания и, даже, создать портал в другое измерение.

На улице не было ничего необычного. Всё те же машины, те же люди, те же светофоры. Только солнце светило ярче, и было гораздо теплее, чем вчера. Вчера... Пятого апреля. Алекс закурил сигарету, посмотрел на часы – скоро должен приехать Билли. Сделал пару глубоких затяжек, затем облокотился на перила, кивнул головой и утвердил про себя единственную мысль, которая появилась в голове за всё утро – «Алекс Фримен, похоже, что ты и вправду мёртв». Затем взгляд медленно опустился на тротуар, и Алекс непроизвольно дёрнулся от испуга: все люди одновременно замерли, словно время застыло, и направили свои холодные с какой-то долей жестокости глаза прямо на него. Дыхание перехватило, невозможно было стоять так, под прицелом всех этих людей, но и оторваться от этого было тоже невозможно. Вдруг послышался звонок входной двери, и все люди вновь продолжили движение в своих направлениях, как ни в чём не бывало.

Алекс с ножом в руке очень медленно подходил к двери. Дыхание участилось. Звонок не прекращал звонить. Несомненно, этот кто-то или что-то представляет опасность. Ещё пару шагов, звук всё громче. Один, два.

– Кто? – громко с ноткой угрозы спросил у незваного гостя Фримен, так как глазка не было.

– Открывай, безумец. Это Кларкс.

Кларкс? Вот это облегчение. Алекс почему-то знал, что если кто и может помочь сейчас ему, так это только Кларкс. Замки щелкнули, и дверь дружелюбно распахнулась, приглашая пройти внутрь. Это оказалось правдой. На пороге стоял всё тот же молодой мужчина с аккуратно убранными назад волосами, в чёрной рубашке с цепочкой в нагрудном кармане, в чёрных джинсах и насмешливым взглядом. Кларкс кивнул в сторону ножа в правой руке гостеприимного хозяина квартиры:

– Зачем тебе нож, разве ты забыл что мёртв?

– Я... что?

– Интересный факт – люди забывают обо всём, когда паникуют, – Кларкс уверенным шагом направился к гостиной, но затем, решив подкрепиться, свернул на кухню и принялся обыскивать ящики гарнитура. – Они забывают о таких вещах как мораль, доброта, о вещах и действиях, которые могут спасти их в той или иной ситуации.

Обшарив всю кухню гость добрался до холодильника, затем, сделав небольшую паузу в размышлениях, отчаянно захлопнул дверцу морозильной камеры и продолжил, поставив руки на пояс и укорительно глядя на Алекса, который всё это время молча шагал за ним следом:

– А в некоторых случаях, даже о том, что они уже мерт-

вы, – Кларкс щёлкнул зубами. – А еды то у тебя совсем нет.

– Вроде была, – Фримен пожал плечами и повесил нож на магнитную полку. – Если хочешь, заедем куда-нибудь.

– А разве ты не торопишься в офис? – вопрос прозвучал риторически.

– Думаю, это уже не так важно.

– Тогда собирайся, не пойдёшь же ты в одних трусах, – Кларкс махнул рукой, а сам прошёл на балкон и начал изучать городской пейзаж.

Алекс отправился искать, что бы надеть. Обычно он каждый день надевал свежую рубашку, часто галстук, а без костюма так и вообще не стоило выходить на улицу. Но сегодня, вернее сейчас ему стало абсолютно всё равно, как он выглядит. Найдя первые попавшиеся джинсы, серую футболку и красную толстовку, с так и не содранной этикеткой, он быстро оделся и они вместе с Кларксом спустились во двор.

* * *

– Пойдём пешком?

– А разве за тобой не должен приехать водитель?

– Билли? Должен. Но я могу позвонить ему, дать выходной.

– Нет, не стоит, – Кларкс слегка хлопнул Алекса по плечу. – Сегодня ты точно должен поговорить с ним и всё решить.

– Что решить?

Не очень шумный чистый двор наполняли весенние крас-

ки. Солнце приятно грело кожу, ветра практически не было, лужи подсохли. Тротуары подметали дворники, разгоняя мётлами сухие листья и пыль.

– Дружище, мы закрываем бизнес, и ты должен решить, что делать с Билли, – Кларкс говорил спокойно, отмеряя каждое слово.

– Не понимаю, что всё это значит? – голос Алекса звучал напротив непонимающе и растерянно.

– Ты десять минут назад сказал – «Это уже не важно», когда я спросил тебя о работе. Что это значило?

– То, что нет смысла ехать в офис.

– А почему?

– Потому что я уже был там...

– И что с того, ты каждый день туда едешь.

– Не в том смысле. Я уже **БЫЛ ТАМ**. Сегодня. То есть вчера, но вообще сегодня.

– Ух ты, чудеса-то какие! – изобразил удивление Кларкс. – А что было дальше?

– Я поехал на работу с Билли. И спрашивал у него, не уволил ли я его. Оказалось, что нет, но сейчас я понимаю, что я действительно его уволил, просто он об этом пока ещё не знает. Потому что это должно случиться в субботу, после банкета... господи, как же всё запутанно, – Алекс зажмурил глаза, зажав пальцами переносицу.

– Всё верно. Продолжай.

– Я поговорил с Билли, он привёз меня в офис. Меня

не покидало ощущение, что всё это уже было. Дежавю. Я уже был в том месте, в тот же час ещё неделю назад. Затем появился ты. Пришёл якобы на собеседование, но я уже знал, что нанял тебя, и ты знал, – Фримен сделал паузу после бурных рассуждений и направил палец на Кларкса. – Ты единственный человек, который знал всё это. Ты был человеком не из прошлого, а...

– Существуящим в твоих временных понятиях, независимо от всей этой путаницы с прошедшей неделей и вчерашним – сегодняшним понедельником.

– Да, именно, – Алекс щёлкнул пальцами. – После этого мы с тобой пошли прогуляться, и ты сказал... что я мёртв.

– Верно, и это оказалось правдой? Алекс, я не соврал тебе? – Кларкс с каждым словом говорил всё более напряжённо, но в то же время уверенно. Словно бегун на финишной прямой.

– После этих слов я убежал.

– Почему же?

– Мне стало страшно, потому что это было похоже на правду.

– Затем ты отправился домой?

– Нет, сначала я поехал в офис.

– Зачем?

– Хотел убедиться, что ты всего лишь разыгрываешь меня, пытаешься свести с ума. Но убедился лишь в том, что с моей головой что-то не так. Весь день – одно сплошное дежавю.

Затем я взял бутылку текилы и отправился домой. Я выпил, – голос задрожал.

Алекс достал из кармана пачку и снова закурил сигарету. Кларкс, внимательно слушавший каждое слово, дождался, пока рассказчик сделает несколько глубоких затяжек, чтобы дать ему успокоиться, затем спросил:

– Дальше, Алекс. Что произошло ночью?

– Я выпил и закурил... лёжа на кровати... и уснул.

– Что тебя разбудило? – будто помогая первокласснику пересказывать сказку, Кларкс задавал наводящие вопросы.

– Огонь. Загорелась кровать, затем стены и я сам. Я хотел выбежать на улицу, но лишь для одного – избавиться от боли и почувствовать свежий воздух. Поэтому я не дошёл до входной двери, а разбежавшись, прыгнул с балкона, – Алекс выдохнул, сделав последнюю затяжку.

– Это всё произошло пятого апреля?

– Нет, это уже была ночь, то есть уже шестое.

– А сегодня какой день?

– Пятое.

– Что случилось, когда ты выпрыгнул из своей квартиры.

Пятнадцатый этаж всё-таки...

– Я умер, – резко ответил Алекс.

На минуту в воздухе повисла тишина, которую нарушали лишь редкие звуки машин, доносящиеся со стороны главной улицы и чириканье воробьёв.

– Bravo, – Кларкс тихонько захлопал в ладоши. – Ну а те-

перь ответь на свой вопрос сам. Что всё это значит?

Алекс недолго думая сжал руку в кулак, затем расслабил и очень тихо произнёс, боясь, что это кто-нибудь услышит.

– Я умер.

– Наконец-то. И почему мы закрываем бизнес?

– Потому что я... – голос уходил куда-то в пустоту и становился тише, словно звуки поглощала чёрная дыра.

– Смелее, босс.

– Потому что я...

– Скажи же!

– Потому что я мёртв! – Алекс сорвался на крик.

В тот же миг всё окружающее пространство поглотила гробовая тишина. Фримен и Кларкс озадаченно завертели головами, оглядываясь по сторонам. Два дворника, держащие в руках метлы и грабли, повернулись в их сторону. Точно в таком же положении застыла женщина с маленькой девочкой на руках, два подростка, по-видимому, шедшие в школу и один взрослый мужчина, курящий на первом этаже дома. У всех был такой взгляд, от которого хочется залезть глубоко под землю и зарыться в самые твёрдые глубины почвы, дабы не быть достигаемым для него. Постепенно все эти люди начали учащённо дышать и расправлять плечи, будто готовясь к атаке. А затем все вместе синхронно направились в сторону Алекса и Кларкса очень медленными шагами, словно зомби.

Тут из-за угла появился знакомый спасительный чёрный

Кайен, подъехавший прямо к испуганным мужчинам. Они, не мешкая ни секунды, оба забрались на заднее сидение, и машина поехала вперёд. Все «зомби» тут же превратились в нормальных людей и продолжили заниматься своими делами: дворники убирать двор, мама повела дочку в детский садик, подростки отправились в школу, а мужчина куривший сигарету выронил бычок, когда маленький огонёк коснулся пальцев.

Кларкс безумно смеялся:

– Вот это да! Я уже отвык от такого! Как же вовремя! Ещё бы чуть-чуть и снова всё сначала.

– Где тебя носило? – не дожидаясь привычной фразы «доброе утро», Алекс накричал на Билли.

Билли вообще не понимал такой возбуждённости своего начальника и его неизвестного друга. Да и выглядели они оба странно. Не привычно видеть мистера Фримена без костюма.

– Вы же знаете, пробки...

– Пробки в бутылке! Мог бы раньше выезжать!

Билли явно очень не нравилось, как с ним разговаривают, он покраснел, снял шофёрскую фуражку и, бросив её на соседнее сидение, вытер потный лоб тыльной стороной ладони.

– Алекс, успокойся. С чего ты так завёлся? – слегка повысил голос Кларкс.

– С чего завёлся? Ты видел их глаза? Они бы нас на куски порвали голыми руками, а потом съели бы, как в фильме про зомби.

– Вы о чём? – Билли абсолютно ничего не понимал, но его никто не слышал.

– И что с того? – Кларкс был иронично невозмутим и расслабленно сидел, облокотившись на дверцу правой рукой, а левой трогал свою цепочку.

– Что за глупый вопрос? – Алекс сорвался на крик. – Я не хочу умирать! Ты знаешь, каково это? Я жить хочу!

Это было похоже на маленький нервный срыв. Сравнимо с вулканами нервный срыв это огромный вулкан, извергающий лаву, огонь и чёрный дым, а то, что происходило сейчас с Алексом – всего-лишь небольшой плановый взрыв в шахте.

Кларкс пристально смотрел на Алекса, и, не отводя глаз, тихо и очень умиротворённо произнёс:

– Поверь мне, я знаю, что это значит, – эти слова действовали невероятно успокаивающе. Затем он перевёл взгляд на улицу и добавил. – Только умирая, мы начинаем чувствовать себя живыми как никогда.

Эти слова звучали из уст Кларкса не как результат десятилетних философских размышлений, но как нечто большее. Как факт полученный горьким опытом. Даже Алекс сумел различить едва заметные нотки тоски в его голосе.

Кайен двигался медленно из одной пробки в другую. Машины сигналили, а по тротуару совсем рядом быстрым шагом шли прохожие и некоторые из них подозрительно заглядывались в окна, изучая глазами Алекса.

– Кларкс, что происходит с людьми? Почему они хотели

напасть на нас, да и ведут себя как-то странно, посмотри на них, – Алекс указал в сторону тротуара.

– Вопрос не в том, что с ними, а что с тобой, – рассудительно ответил тот, не отворачиваясь от окна. – Ведь не симптомы порождают болезнь, а напротив, болезнь вызывает симптомы.

– Ты можешь говорить прямо, – Алекс снова начал злиться. – Без головоломок?

Кларкс улыбнулся:

– Ты думаешь это хорошая идея? Последний раз, когда я тебе сказал прямо о том, что ты... – быстрый взгляд на Билли, затем он повернулся и посмотрел Алексу в глаза. – Сам знаешь, это лишь усугубило положение, разве нет?

По лицу Фримена было понятно, что он уже сыт по горло всем этим, но если бы он знал, что его ждёт дальше, то всё остальное показалось бы цветочками.

– Ладно, не беспокойся, чуть позже ты всё узнаешь, – Кларкс решил перевести тему. – Лучше обрати внимание на Билли, с ним что-то не так.

Билли вёл машин очень мрачно молча и совсем не обращая внимание на сзади сидящих пассажиров, говорящих о смерти и еще о множестве непонятных вещей. При этом он часто протирал лоб платком, а его руки выстукивали по рулю нервную дробь.

– Эй, Билли, – окликнул его Алекс.

– Да, мистер Фримен?

– Извини, что накричал на тебя, просто последние два дня творится чёрт знает что.

– Всё в порядке, никаких проблем, – голос Билли был взволнованным.

– И ничего страшного из-за опозданий, фирма от этого не пострадает, – пытался разрядить обстановку, только что сам злившийся Алекс. – Я ведь знаю, что ты отвозишь дочерей в школу по утрам. Так что, не бери в голову мой срыв. Это никак не связано.

Кларкс очень внимательно наблюдал за Алексом. Его по-настоящему поразило, как быстро Фримен, находящийся в таком положении, думающий только о себе, переключился утешать своего водителя, и самое главное – похоже, это искренность.

– Да, спасибо мистер Фримен, но, по правде говоря, я опоздал по другой причине.

– Что-то случилось?

Машина остановилась на очередном светофоре.

– Моя мать больна раком, у нас нет денег на операцию. Она лежала в больнице, подключённая к какому-то аппарату, который продлевал ей жизнь, – у Билли выступили слёзы, но он не заплакал и старался говорить как можно увереннее. – Это ужасно, видеть как самый близкий тебе человек, который выносил, родил, воспитал, научил любить тебя, лежит, словно овощ в тёмной больничной палате, подключённый разными трубками к компьютеру, от которого боль-

ше толка, чем от тебя. А ещё хуже осознавать, что ничем не можешь помочь. Сегодня утром позвонили из больницы, сказали, что они больше не могут оставлять её. Пришлось ехать туда. Затем я отвёз маму к себе домой и теперь просто не знаю, что делать, когда вернусь.

Кайен поехал дальше. Впереди уже был различим высокий стеклянный небоскрёб – здание фирмы.

– Билли, почему ты не попросил меня о помощи? – Алекс и вправду хотел помочь, он и сам ещё не понимал почему, но порой для поступков достаточно одного желания.

Водитель смущённо взглянул на Фримена, не поверив своим ушам.

– Ладно, не отвечай. Одна из причин это моя должность, а другая, наверное, та, что я не слишком похож на человека, который мог бы помочь. Но, Билли, – каждое слово было искренним. – Если бы ты меня спросил раньше, я бы не отказал в этом, поверь. Надеюсь ещё не поздно, поехали к тебе домой, я сделаю пару звонков, за твоей мамой приедут специалисты. Билли не мог в это поверить:

– Господи... мистер Фримен, только скажите, что я могу для вас сделать? Я найду деньги, не сразу, но я отдам, со временем...

– Билли, просто успокойся, я ведь не в благородство играю. Здесь решается жизнь человека, поехали быстрее.

– Да, да. Конечно, – водитель выдохнул. – Простите.

Кларкс ещё минуту с уважением смотрел на Алекса, пока

тот не заметил это, и не ответил ему вопросительным взглядом.

– Нет, нет. Ничего. Ты молодец. Билли, – Кларкс, сменив тон на обычный, повседневный, обратился к водителю. – Если мы поедем через фирму, много лишнего времени это займёт?

– Нет, совершенно. Это по пути.

– Отлично, тогда притормозишь там? Я сойду, а вы поедете дальше.

Билли утвердительно кивнул. Алекс недоумевающе смотрел на Кларкса, ожидая объяснений, которые последовали незамедлительно.

– Надеюсь, ты не будешь против, если я снова познакомлюсь с твоей секретаршей и схожу с ней куда-нибудь?

– Что? Зачем? – эта просьба никак не вписывалась в образ панка-мудреца, сформировавшегося в голове Алекса.

– Если я правильно понял, то у тебя с ней ничего нет. Или ты всё-таки будешь ревновать, и не стоит этого делать?

– Что? – Алекс до смешного возмутился. – Мне всё равно, не о том голова болит сейчас. Просто я полагал мы едем вместе.

– Думаю, вы справитесь, у меня всё равно нет никаких связей, – Кларкс, слегка усмехнувшись, изобразил кавычки двумя пальцами и подмигнул Билли, но тот явно шутку не понял, а Алекс всё не унимался.

Машина остановилась.

– Ну что же, Билли, искренне желаю, чтобы с твоей мамой было всё хорошо, – водитель благодарно кивнул. – А с тобой, Алекс, скоро увидимся.

Затем Кларкс помялся и добавил, снова наклонившись к Фримену:

– Только, пожалуйста, постарайся больше не убивать себя, не хочу начинать всё сначала.

И только он собрался выйти из машины, как Алекс схватил его за руку, словно ребёнок, не отпускающий своего родителя:

– Подожди! А что делать, если снова с людьми начнётся, ну это...

Кларкс выпрямился и со своей привычной улыбкой сказал гармоничным уверенным голосом:

– Поверь, пока ты с Билли, ничего подобного не произойдёт, счастливо.

Дверца Кайена захлопнулась, и машина с большой скоростью рванула вперёд, постепенно смешиваясь с общей суетой городских джунглей.

Кларкс поправил воротник рубашки, отряхнул джинсы, пригладил волосы и, включив всё своё обаяние, поднялся по гладким гранитным ступенькам к широким парадным дверям.

* * *

– Мистер Фримен, могу я поинтересоваться?

– Конечно, – Алекс ехал молча, глядя через стекло на про-

носящиеся мимо окна небоскрёбов, отражающие яркие лучи солнца, витрины магазинов, машины и спешащих куда-то обывателей.

– Что это за человек, и о чём вы всё время спорили?

– Что за человек? – Алекс задумался и ответил без всяких тайн. – Признаться, я и сам не знаю, кто он. Но в одном я уверен почти на сто процентов, этот человек единственный, кто может мне сейчас помочь. Кларкс очень много знает, только не всё рассказывает. А спорили о всякой ерунде. Так, философская демагогия.

В последнем Алекс, конечно, не был до конца честен. Просто он отчётливо понимал, что нет смысла всё это рассказывать Билли. У того сейчас и так голова разрывается в мыслях о больной матери, семье и многом другом.

Билли слегка улыбнулся:

– Он выглядит странно, но мне кажется интересным человеком. Что-то вроде духовного наставника.

– Вполне возможно... Надеюсь, так оно и есть...

Глава 6

Лишь когда мы умираем, мы чувствуем себя живыми как никогда. Но начиная жить, совершенно забываем о смерти. Ведь всё познаётся относительно кого-то или чего-то. Когда тебя окружают живые люди со своими проблемами, делами, когда над головой всё так же ярко светит солнце и поют птицы, а кожу ласкает мягкий влажный ветер, просто невозможно принять тот факт, что тебя уже нет.

Сразу после того, как Кларкс вышел из машины, Алекс сделал несколько звонков полезным знакомым, которые могли бы помочь матери Билли, но безрезультатно. Он предлагал любые деньги, услуги, но те отвечали, что дело не в этом, а просто либо нет мест, либо нужно сначала пройти обследование в их больницах, а это займёт несколько недель. Неужели Алекс дал человеку ложную надежду? Это было бы непростительно, и не потому что эта ситуация выглядела бы неудобной, а скорее потому что Фримен понимал – пустые надежды убивают не хуже времени.

Был лишь один человек, способный решить эту проблему – мистер Дениелс. Председатель комитета с которым Алекс виделся крайне редко и старался избегать встреч с ним, а завтра как раз намечался его юбилей.

Дениелс был хорошим человеком, даже слишком. Фримен это понимал, и это его отталкивало. Он не мог сам себе объ-

яснить почему. Наверное, стоит начать с того, что этот человек сделал для него очень много и был ему если не вторым отцом, то, по крайней мере, заботливым дядей с тех самых пор как Алекс мигрировал в Америку.

Приехавший в чужую незнакомую страну с рюкзаком на плечах и с полным отсутствием знания английского языка двадцати с небольшим лет парень, сойдя с корабля, не колеблясь ни минуты решительно отправился на поиски заработка. Около месяца приходилось ночевать, где придётся: на вокзалах, в аэропортах, на скамейках в парках, в общественных туалетах, воняющих хлоркой и мочой. На работу нигде не брали: ни официантом, ни дворником, ни кем другим. Удавалось лишь немного заработать на боях без правил, но если противник оказывался сильнее, его вышвыривали вместе с вещами на улицу, тогда около недели, пока восстанавливалось тело, приходилось есть из мусорных урн, пить из сточных канав вместе с другими отбросами общества, подобно гиенам на водопое.

Но всё это не вызывало у Алекса ни слёз, ни отчаяния, ни тем более тоски по дому, а напротив, цель выжить заставляла мозг работать, словно компьютер, а тело становилось лишь инструментом для добычи еды и грошовых денег. Это было для него идеально. Только он и этот враждебный город, который нужно победить.

Спустя месяц Алекс начал немного понимать английский и научился сам изъясняться. Во время одного из боёв его

заметили парни из местной банды. После встречи с ними жизнь начала немного налаживаться – появилась крыша над головой. Старый захудалый особняк в пригородном районе. Стены были изъедены зелёной плесенью, половины крыши не было совсем, что предоставляло возможность замерзнуть холодными ночами, принимать хоть какой-то душ во время дождя, а под досками пола постоянно переговаривались крысы, которых иногда ловили и ели на ужин. Жили по три человека в комнате, часто ссорились между собой из-за денег, наркотиков или женщин, но Алекс, тогда ещё Саша с кличкой Русский, держался от таких типов в подобные моменты подальше.

По ночам они грабили ювелирные салоны, проводили кровавые разборки с другими бандами, ходили по дешёвым ночным клубам, где стоило какому-нибудь неместному парню или девушке появиться, как он или она тут же становились жертвами. Нет, банда никого не убивала. Только забирала то, что нужно было её членам.

И так продолжалось почти полгода, пока во время одного из грабежей не произошла облава, и всех арестовали, кроме Русского, потому что вместо того, чтобы убежать как остальные, он всего лишь залез на крышу здания и, решив отсидеться, не спускался оттуда двое суток. Затем Саша пытался влиться в другие банды, но те его не брали либо потому, что у них были давние счёты, либо потому, что им казалась подозрительной вся эта история о чуде спасшемся от ко-

пов Русском. Голод и жажда привели парня работать в доки на побережье. Там-то Алекс и познакомился с мистером Де-ниелсом.

Солнце в те дни светило ярко, в нос постоянно ударял запах морского бриза, а поначалу казавшиеся чем-то особенным крики чаек превращались в назойливый шум, подобный скрипу панцирных кроватей. Во время одной из разгрузок контейнеров к группе пожилых работяг пристала шайка каких-то малолетних преступников, корчащих из себя гангстеров. Сперва Саша не обращал никакого внимания на это. Он повторял про себя, что это не его дело. Но через несколько минут, во время одного из перекуров, когда какой-то крепыш в кожаной куртке пнул старика ногой в живот так, что тот согнулся пополам, что-то взорвалось внутри Саши. Он выбросил сигарету и быстрым шагом пошёл в сторону происходящего. Бандиты заметили это.

– Эй, ты, отвали. Это не твоё дело, – сказал тот самый парень в кожанке.

– Я в этом сомневаюсь, – сказал Саша, хватая на ходу арматуру, валяющуюся на деревянном причале, и с размаху ударил обидчика стариков под колено.

Тот с криком упал на четвереньки. Следующий удар обрушился ему на спину, принеся покой и крепкий сон. Второй и третий парни схватились за ножи, пытаясь запугать Русского, но в его глазах была ярость, присущая только хищнику, не знающему никаких эмоций, кроме инстинкта выживания.

Возле драчунов в круг собрались работяги и начали криками то ли поддерживать молодого защитника, то ли просто кричать, получая удовольствие от происходящего. Саша, недолго думая, ввёл в нокаут ещё одного хулигана ударом по лицу, выбив ему передние зубы. Кровь фонтанчиком брызнула из безжизненного тела, падающего на скрипучие деревянные доски. Третий, увидев это, в панике бросился прочь, раздвигая руками толпу.

Рабочие восторжествовали, но подойти к этому молодому парню с окровавленной арматурой в руках никто не решился. Вид у него был безумный, будто подойди к нему кто-нибудь поздороваться, тот примет его за врага и одарит крепким ударом, разламывающим череп. Саша бросил своё «оружие» на землю и молча отправился прочь, не чувствуя ни радости победы, ни волнения, ни страха, а лишь желание вымыть руки.

На следующий день, как обычно, во время разгрузки одного из контейнеров к Саше подошли люди в форме, а в метрах пяти за их спинами стояли избитые вчера малолетние «гангстеры». Саше оставалось только презрительно улыбнуться и проследовать за офицерами в участок. Там он рассказал обо всём произошедшем, старики из доков, которых вызывали на допрос, подтвердили версию русского парня, который встал на их защиту. Но это не помогло. Узнав о том, что он не имеет ни одного документа, ни имени, а ещё живёт непонятно где, неясно откуда приехал, полиция взялась

за Сашу так крепко и уже бы не отпустила его на волю ближайšie лет десять, если бы не своевременное появление мистера Дениелса.

На тот момент ему было уже за сорок, выглядел он очень солидно. Прекрасно уложенная причёска, безукоризненно подобранный в цвет костюму, сшитому на заказ, галстук. Туфли стоили явно дороже всего, что когда-либо было у Саша. К тому же этот человек создавал о себе впечатление беспрекословного лидера: всегда слегка улыбался, в каждом слове слышалась размеренность, расчётливость каждого шага, уверенность в том, что даже если завтра случится всемирная катастрофа, он точно не пропадёт. С первых же секунд знакомства молодой парень, привыкший видеть всех вокруг себя ничтожными созданиями и более того, приравнивающий себя к ним, решил для себя, что мистер Дениелс – единственный человек на которого стоит ровняться и более того, он тот, кем Саша решил для себя стать.

Но это были всего лишь порывы не совсем окрепшего юного сердца, по-прежнему где-то в глубине верующего в людей, в то, что не всё потеряно. Но, как известно, не каждому суждено пронести этот крошечный огонёк надежды через всю жизнь до гробовой доски. У Алекса же эта надежда на тот момент уже не была огоньком, она скорее походила на дымящийся безжизненный уголёк, отдававший последние лимиты тепла.

Мистер Дениелс внёс залог за русского парня, при этом

не сказав ему ни слова о произошедшем. Лишь выйдя из участка, он с улыбкой произнёс слова: «Мы ещё с тобой обсудим это, а пока просто возвращайся на работу». Затем он сел на заднее сидение припаркованной напротив участка солидной серебристой машины, и та скрылась в лабиринтах города.

Саша так и поступил. Он вернулся в доки и две недели работал, ни с кем не обсуждая инцидент. В понедельник третьей недели его терпение и любопытство, держащие голову в напряжении днём и ночью, наконец, вознаградились. Во время перекура к нему подошёл очень высокий мужчина в чёрном плаще и шляпе – вид у него был жуткий. Он сказал два предложения: «Мистер Дениелс ждёт тебя. Следуй за мной». После этого «чёрный плащ» привёл парня к той самой серебристой машине и пригласил в неё сесть. Внутри салона никого не оказалось. Совсем скоро они остановились у небольшого, но довольно приличного автосервиса. Водитель приказал выйти из машины и зайти внутрь бокса.

Дверь распахнулась, и сразу в нос ударил запах машинного масла, сварки, мазута и чего-то ещё. Внутри стояли машины послевоенного времени и около них крутились как взрослые мужчины, так и совсем мальчишки, ещё младше Саши.

– А вот и наш новенький, – голос Мистера Дениелса был в меру позитивным и в меру деловым. Он медленно спустился по лестнице с верхнего яруса в светлом костюме, раздвинув руки в стороны, будто приглашая гостя в свои владения.

Это был один из ключевых моментов, начиная с которого изменяется всё. Саша шагнул навстречу. Ему было плевать, что произойдёт и в какую историю он попадёт, но сейчас понимал, вернее, чувствовал, что этот шаг навстречу – шаг к переменам. Неважно к хорошим или плохим, главное, чтобы они произошли.

Мистер Дениелс оказался весьма крупным предпринимателем: он владел сетью собственных автомастерских, парой ресторанов, точками на овощных рынках и был вдобавок ко всему хозяином грузового склада, того самого, на котором работал Саша. Практически с первого дня в автосервисе русский парень стал протеже Дениелса, только понимание этого пришло поздно. Сначала он предоставил Саше работу и подсказал где можно дёшево снять неплохую комнату. Дениелс часто заезжал в мастерскую проводить, как идут дела, но скорее это походило на проверки новенького. Они часто разговаривали. По большей части о прошлом Саши, но тот не слишком доверялся странному незнакомцу счастья «с неба» (он всё время пытался понять, в чём же его выгода от всей этой ситуации), но с каждым днём эта завеса недоверия между ними стиралась и спустя три месяца работы в сервисе парень поведал о том, что учился на родине на экономиста, после чего Дениелс поинтересовался, не хочет ли он продолжить обучение и занять должность повыше. Как и следовало ожидать, после оправданий насчёт нехватки денег Дениелс сказал, что обеспечит на необходимый срок пар-

ня жильём и предоставит средства для оплаты обучения при двух условиях: первое – Саша не бросает работу, второе – обещает доучиться до конца.

При поступлении требовались документы подтверждающие личность и гражданство, к счастью, дядюшка Дениелс оказался всемогущим и в этом вопросе. Он спросил у Саши, какое имя он бы выбрал. Тот ответил, что ему без разницы, просто хочет начать жизнь с чистого листа, забыв своё прошлое, забыв своё имя. Для Алекса и по сей день оставалось загадкой, почему мистер Дениелс был так настойчив в тот день – он всё-таки настоял на том, чтобы в новом имени было хоть что-то от старого, ибо нельзя забывать своего прошлого, что бы там не произошло. Саша не хотел спорить и поэтому просто согласился. Вместе они сошлись на имени «Алексис Фримен».

Алексис выполнил своё обещание. Он отучился, и это оказалось несложно, у него с детства были способности к математике, поэтому ему удалось сдать выпускные экзамены на полгода раньше остальных. Всё это время он жил в отдельной съёмной квартире и не пропустил ни одного дня работы в автосервисе. После университета Алекс встретился с Дениелсом. Они были оба рады видеть друг друга. Дениелс говорил, что теперь он не видит перед собой замученного русского парня, а видит совсем другого взрослого человека со светлой головой на плечах. И это было правдой, Алекс и сам не мог узнать себя в зеркале, и ему это определённо

наверилось. Затем он поинтересовался, чем Саша планирует заниматься дальше и, не дожидаясь ответа, предложил работать бухгалтером в фирме одного своего близкого друга.

С каждым днём жизнь становилась всё лучше и лучше. Появлялись знакомые, деньги, знания в голове. Город становился ярче: больше музыки, больше тусовок и неоновых огней, шум машин и людские голоса, постоянно твердящие о новостях с биржи, о своих сексуальных похождениях, о том, где лучше снять девушку и снова о том, где можно срубить денег. Не прекращающаяся кружиться карусель будней, лиц, бостонских ночных улиц и тачек, работы, и снова лиц, будней, выходных, смеха, работы, девушек, будней – и так по замкнутому кругу. Но рано или поздно за всё приходится платить, малыми или большими жертвами.

За время работы в этой фирме и сотрудничества с мистером Дениелсом, которое не прекращалось ни на день, Алекс успел узнать обо всех его нелегальных доходах, которые по большей части состояли из прибыли от обширной сети игорных домов и казино. Но это не было чем-то слишком ужасным. Игорный бизнес это не наркотики, не оружие, и вообще, Алексис за несколько лет работы успел для себя усвоить золотое правило: «Никогда не лезь в чужие дела». Ведь неважно как человек зарабатывает для себя, для своей семьи. Не стоит никого осуждать, поскольку в любой момент может всё рухнуть, и не известно, до чего ты сам.

В один из серых осенних вечеров к Алексу зашёл мистер

Дениелс. Вид у него был хмурый, соответствующий ноябрьскому пейзажу увядающего города. Без лишних церемоний он сразу перешёл к делу. Ему нужно было, чтобы Алекс подставил своего начальника и занял его место. Услышав это, Алексис почувствовал то, о чём уже совсем забыл – настороженность и чувство вины. И тот маленький уголёк надежды и веры окончательно превратился в золу. Видя его нерешительность и явное нежелание этого делать, мистер Дениелс лишь грустно улыбнулся, и, сказав о том, что Алекс не обязан этого делать и если он откажется, то найдутся другие способы решить эту проблему, покинул кабинет.

Пустота размышлений и горький табачный дым наполняли внутренности Алекса в тот вечер, когда он остался один на один с собой. Он не мог понять, что его терзает больше: то, что он всё-таки оказался ручным псом Дениелса, которого тот приютил, пригрел, а теперь ждал отдачи; то, что это всего лишь превращение пешки в дамку для победы над врагом изнутри его королевства. Или то, что босс Алекса был хорошим человеком, и подставлять его не было ни малейшего желания, к тому же, относился директор к нему очень по-свойски и доверял любую информацию, как теперь окажется самому ненадёжному человеку в офисе. Но сильнее всех моральных вопросов оказалось обычное человеческое желание не быть никому должным. Фримен понимал, что это будет очень маленькая услуга за всё то, что сделал для него мистер Дениелс.

Уже на следующий день Алекс выступил перед советом директоров с докладом о нелегальных доходах своего начальника и с доказательствами того, что он обворовывает фирму. После его выступления директоров и акционеров накрыла волна возмущения и главу фирмы по результатам голосования отстранили от дел. После чего он – пожилой мужчина, снял очки и с гордо поднятой головой направился к выходу конференц-зала. Алекс смотрел ему в след и повторял про себя одно – «Прости». Мистер Дениелс оказался доволен, и, как и было задумано, Фримен занял место бывшего директора и сделал то, чего никто не ожидал.

Уволить большую часть людей оказалось легче, чем можно представить на первый взгляд. Алексис полностью централизовал управление компанией, не без сокращений, но зато с меньшим риском для себя. Он подозревал, что нужен был Дениелсу на этом месте в качестве своего человека, своей пешки, поэтому присвоил эту фирму не только фигурально, но и буквально на свой страх и риск. Каждую минуту он ждал, что зайдёт кто-нибудь из людей этого мафиози и выставит ему счёт. Но ничего такого не произошло.

Для перестраховки фирма была переведена из Нью-Йорка в Бостон. Когда все дела были завершены, работа налажена и легализована, Алекс сидел в светлом зале ожидания, в аэропорту, и ждал своего рейса, чтобы улететь из этого города навсегда. И вдруг он увидел хорошо знакомую фигуру в глубине зала. Он встал и направился навстречу мистеру Де-

ниелсу. Тот заметно сдал за это время – похудел, глаза стали серыми, волосы на макушке поредели, но на лице была всё та же располагающая улыбка. Алекс же напротив – расцвёл, раздался в плечах, в росте, но взгляд – никаких эмоций, полное спокойствие утреннего штiria.

«Здравствуй, Алексис, может быть, присядем? Думаю, нам стоит объясниться». Но говорил по большей части только сам Дениелс. Сначала о том, что начал чувствовать, как стареет и успел многое передумать. О том, что впал в ярость, узнав, какие дела проворачивает Алекс за его спиной, но решил не мешать и посмотреть, что будет дальше: «Признаюсь тебе, Алексис, когда ты завершил переброску фирмы в Бостон, я хотел пустить все свои силы, чтобы остановить тебя. Но затем вспомнил щуплого испуганного подростка с избыточными руками, с вечно синими мешками под глазами от недосыпа и дрожащей походкой, но который никогда, ни на минуту не опускал голову, когда с ним кто-то разговаривал, даже, люди вроде меня». Алекс молча сидел за столиком в кафетерии и слушал, не зная, что и думать обо всём этом. Это снова какая-то лесть? Какой-то розыгрыш? Отвлечение внимания? Нет, это скорее похоже на откровения старика, очень одинокого, в глубине души понимающего, что он оттолкнул, возможно, единственного человека, который всегда мог быть с ним рядом и помочь в чём угодно, но только он не просчитал цену, которую требовал за свою щедрость от этого не совсем разучившегося верить человека. «Да, мальчик. Должен

признаться, ты победил меня. И не нужно говорить, что без меня ты был бы никем – это неважно, абсолютно. Главное кто ты теперь и то, что ты считаешь справедливым. Всегда поступай, как велит сердце и направляй эти действия разумом. Прости меня за то, что заставил тебя сделать. Я считал, что все вокруг лишь покупают и продают и пытаются побольше взять. Но когда ты сделал это, я видел твои глаза. И сейчас вижу. Да, да. Этот взгляд» – Дениелс указал пальцем на сидящего напротив Алекса. – «Он говорит о многом, но в то же время я не могу понять, что тобой движет, что тебя забросило в такой дальний край из твоей родины, но точно не жажда наживы. Ты не такой». Слова звучали очень тоскливо, но так честно, что могли бы тронуть зрителя, если бы всё это была дешёвая драма. Затем старик сказал слова, которые Алекс считал забытыми, но сейчас только эти слова крутились в его голове: «Алексис, у тебя не будет проблем. Я прошу об одном – не забывай о том, кто ты на самом деле». После этого объявили посадку, и Алекс, совсем забывший о самолёте, сказал, что ему нужно улетать. Мистер Дениелс, как ни в чём не бывало, ответил – «Конечно» и напоследок произнёс, что если что-то понадобится, он всегда будет рад услышать голос Алексиса. Затем он смотрел вслед уходящему уже совсем взрослому, уверенному в себе мужчине, буквально недавно отчаянно цепляющемуся за свою жизнь, парнишке.

После этого разговора на душе стало очень тоскливо и пу-

сто, будто из тела высосали все соки, а из головы всю уверенность о том, как устроен мир. И теперь ты снова стоишь на перепутье, не понимая, кто друг, кто враг, где свет, а где тьма, где правда, а где ложь. Но в салоне самолёта сомнения ушли прочь. Алекс пообещал себе постараться больше никогда не сталкиваться с этим человеком и не попадать в подобные ситуации. Он поклялся, что это был последний раз.

Самолёт поднимался в небо, оставляя позади себя пережитки прошлого, спеша вперёд, к новой карусели непроядных серых будней: новых лиц, работы, алкоголя, девушек, денег, работы и так по нескончаемому кругу. Навстречу подобным гонкам по вертикали попыткам немного почувствовать смысл и веселье в жизни.

Глава 7

Сколько времени они ехали не известно но, наверное, достаточно, чтобы Алекс снова начал ворошить прошлое. Солнце светило не так ярко, прячась за редкими серыми облаками. Кайен выкарабкался из забитого пробками центра и двигался с большой скоростью по объездной магистрали к побережью.

– Я не знал, что ты так далеко живёшь, – заговорил Алекс, чтобы хоть на минуту забыть о нависшей над ним проблеме.

– Мы с женой снимаем домик на берегу. Свежий воздух, отличный вид на море. Нам нравится здесь, но выбираться в центр, конечно, проблематично.

Ясное дело, почему Билли никогда не приезжает вовремя. Фримен смотрел на линию горизонта, которую рисовал океан и небо. Машина проезжала мимо залива: у берега расположились грузовые паромы, всевозможные яхты, катера. Над рыбацкими суднами кружили чайки, выпрашивая еду у матросов, дружно вытаскивающих сети на палубу. За заливом виднелась роща просыпающихся от зимнего сна деревьев. Зелёные клочковатые деревья местами создавали собой плотную живую стену.

– Ничего, думаю, оно того стоит.

Билли взглянул на Алекса:

– Кажется, Вы не часто бывали в этом районе?

– Почти никогда. Только в бостонской бухте иногда. Когда некого было послать принимать товары вместо себя.

– Приезжайте как-нибудь к нам на барбекю, познакомьтесь с моей семьёй. Устроим пикник, ходим на пляж, развеемся. Мы будем очень рады, – водитель говорил искренне.

И не потому, что от Алекса зависела жизнь его матери и работа. Просто Билли был человеком очень простым и открытым. Даже сейчас, глядя на него, на то, как он произносит слова о своей семье, видно, что этот человек искренне счастлив. Не имея при этом миллионов в запасе, собственной фирмы, связей с влиятельными людьми и всего, что должно делать жизнь человека лучше. Начинаешь задумываться в такие моменты – а может и правда махнуть рукой на всё, отправиться на остров к туземцам, носить набедренную повязку и танцевать вместе с племенем «Тумба-Юмба» шаманские танцы у костра, вызывая духов и корча им гримасы? Может там есть это слово – счастье? Но нет уж. Спасибо. Пусть я буду не таким беспечным самаритянином, но зато со свежей газетой в туалете по утрам.

– Почему бы и нет, – Алекс улыбнулся Билли.

Они оба понимали про себя, что это одно из тех обещаний, которые заканчиваются только договорённостью.

– Мы почти приехали, вон тот домик впереди за деревьями.

Машина подъехала вплотную к аккуратному небольшому домику с верандой, приподнятой над землёй сваями перед

входной дверь. Стены обшиты выкрашенными в песочный цвет досками. Слева от дома стоял гараж, а за ним небольшой сад. Билли припарковал Кайен напротив переднего фасада.

Они вышли из машины. Билли сразу же побежал открывать дверь, а Алекс на несколько секунд замер и огляделся. С веранды открывался вид на безбрежный серый океан, который шумел, играя волнами и песком, доносимым ветром.

– Мистер Фримен, прошу вас, – Билли держал дверь, предлагая гостю войти первым.

Дом был довольно уютным внутри. По разбросанным на кухонном столе тетрадкам, висящим на стенах портретам, аккуратному ряду посуды, сияющей на сушилке, сразу видно, что это дом не холостяка, типа Алекса, а дом, в котором каждый день слышны голоса людей, а по вечерам за столом ужинает не один, а несколько человек, обсуждающих дела друг друга, интересующихся жизнью каждого из членов своей семьи.

– Располагайтесь пока здесь, если Вам будет удобно, – Билли указал на маленький диванчик напротив телевизора в прихожей. – А я схожу наверх, проведу маму.

Алекс сел на диван и почувствовал, как под ним что-то зашевелилось. Это был рыжий кот, удачно слившийся с цветом покрывала так, что его было не заметить. Кот зашипел, затем соскочил со своего места и с гордо поднятой головой засеменял прочь от потревожившего его сон незнакомца.

– Прошу прощения, сударь.

Вторая попытка сесть оказалась удачней. Алексу, привыкшему просыпаться либо в своих апартаментах, либо в совсем загаженных дешёвых мотелях, как неделю назад, было очень непривычно находиться в этом тесном и уютном мире. Но не из-за избалованности роскошной жизнью, а скорее из-за отчуждённости: Алекс чувствовал себя лишним в этом доме, словно железный гаечный ключ, нарисованный на фоне яркого и лёгкого натюрморта, или как грустный снеговик среди раскалённого от летнего солнца парка. Взгляд скользил по оранжевым стенам, по портретам счастливой семьи, по разбросанным местами детским игрушкам и, наконец, глаза коснулись очень мягкого света, пробивающегося из окна через шторы шоколадного оттенка. Этот свет был неестественно мягким и таким чистым, словно тёплое бархатное одеяло, в которое хочется зарыться с головой во время холодных ноябрьских дней.

Свет притягивал всё сильнее и сильнее. В голове зазвучал прекрасный женский смех. Руки внезапно ощутили давно забытые прикосновения, отчего шея и спина покрылась мурашками. Алекс мотал головой пытаясь прогнать воспоминания. На фоне этого света появился силуэт стройной девушки, который то расплывался, то вновь возникал перед глазами. Голос в голове не утихал, это был то смех, то какие-то фразы. Затем добавился лепет ребёнка, похожий на звон весенней капли. Картинка застыла: маленькая ком-

ната, залитая шоколадным светом, напротив Алекса на кровати сидит девушка, у неё на руках ребёнок. Лиц не видно, только объёмные силуэты, словно в театре теней. Затем ребёнок спрыгивает и куда-то бежит, топоча крохотными ножками по деревянному полу. Снова слышится голос, и девушка приближается к Алексу, всё ближе и ближе. Черты лица становятся всё различимей. Это был предел, который вынести невозможно.

Фримен рывком встал с дивана, разрывая пелену воспоминаний, и быстрым шагом направился на улицу. Он распахнул дверь и его встретил сильный порывистый ветер, доносящий свежий запах океана и мелкие песчинки, слегка покалывающие кожу лица. Алекс жадно глотал воздух, прогоняя воспоминания.

Погода значительно ухудшилась. Со стороны воды надвигались тяжёлые иссиня-чёрные грозовые тучи, которые уже закрыли собой солнце. Людей на пляже не было, лишь чья-то одинокая яхта торопливо причаливала к берегу, гонимая страхом надвигающегося шторма. Ветер усиливался с каждой минутой, раскачивая деревья и наклоняя их всё ближе к земле, угрожая вырвать с корнями. Послышались звуки дождевых капель, разбивающихся о деревянные стены дома. Одна. Вторая. Третья. И уже через несколько секунд послышалась одна монотонная симфония ливня. Вода брызгала на руки, которыми Алекс опирался на перила веранды. Всё это было очень странно и неожиданно тревожно, будто весне

очень сильно испортили настроение и она готова обрушить весь гнев на обидчиков.

– Мистер Фримен, – Билли вышедший из дома.

Он говорил громко, чтобы его было слышно:

– Кажется, будет гроза. Может лучше переждать её внутри?

Алекс молча смотрел на свинцовые тучи, которые буквально на глазах застилали собой всё небо, и думал, что не хочет больше заходить в этот дом. Лучше быть здесь, прикованным к зрелищу стихии, но не возвращаться к прошлому.

– Мистер Фримен?

«Замолчи Билли, уйди. Лучше, чтобы не было никого: ни тебя, ни мистера Дениелса, ни меня! Никого из прошлой жизни! Должны существовать только ветер и вода, так пусть они смоят нас всех, мы станем едиными. И не будет ни прошлого! Ни будущего! Не будет этой глупой, неидеальной программы под названием жизнь! Чтоб всех нас смыл дождь! Без милосердия, без компромиссов, и больше никогда не давал второго шанса! Никто не исправится, МЫ не исправимся! И никогда не будем счастливы на этой пропитанной ложью и нефтью земле!»

Внезапно небо зажглось яркой вспышкой, и скопившийся в одной точке заряд энергии стремительной молнией направился к земле с разрывающим грохотом.

* * *

Кларкс забрал Сандру после работы, и они пошли в кино. Поначалу девушка очень робко разговаривала с незнакомым обаятельным мужчиной. Но постепенно они разговорились (Кларкс умел располагать к себе людей).

Они не спеша шли по улице, что-то бурно обсуждая. Но их дискуссию неожиданно прервал сильный ветер, пришедший со стороны океана. Солнце куда-то исчезло, и с неба закапал дождь. Солнечный приветливый день и оживлённый город вдруг стали похожи на сырую холодную, накрытую серым колпаком клетку.

– Всё в порядке? – Сандра смотрела в потревоженные чем-то, тёмно-зелёные глаза Кларкса.

Кларкс немного протяжно ответил:

– Да, конечно. Всё в порядке, – он улыбнулся и прибавил темп. – Так о чём это мы?

Красивая блондинистая девушка снова засияла и о чём-то торопливо принялась рассказывать. А Кларкс шёл и повторял про себя только одну фразу, периодически поглядывая на небо и вокруг себя – «Только держись. У тебя нет права на ошибку».

* * *

В небе раздался треск, и молния ударила в десятке метров от дома в песчаную землю, создавая ударную волну, которая опрокинула Алекса с ошарашенными и дикими глазами на деревянный пол. Билли что-то закричал, схватил своего начальника подмышки и затащил в дом, торопливо захлопы-

вая дверь, затем помог ему встать на ноги, а сам сел в кресло.

– Хух, – выдохнул он. – Вот это ударило – так ударило. Но, слава Богу, все целы.

Алекс не мог отдышаться, поэтому просто соглашаясь кивнул. Вид хоть уже совсем тёмной спальни всё ещё не выносим. Нужно что-то предпринять.

– Билли, у тебя на кухне электричество или газ?

– Газ, а что?

– Тогда, может, поставишь чайник? Думаю, это не будет опасно.

– Хорошая идея.

Билли встал с кресла и немного неуклюже по-медвежьи торопливо пошёл в соседнюю комнату, приглашая за собой гостя.

– Могу я здесь закурить? – спросил Алекс.

– Конечно, только в вытяжку, пожалуйста. Жена не любит табачный запах в доме.

Алекс так и поступил, достав из кармана пачку сигарет и закуривая одну. За окном шла самая настоящая буря: дождь не прекращался, ударяясь об окна, ветер свистел в кронах деревьев и над крышей дома, раскаты грома то сотрясали стены и перепонки ушей, то доносились лишь жутковатым эхом. Билли крутился у плиты, ставя чайник. В голове что-то щёлкнуло, и Алекс внезапно вспомнил, зачем он сюда приехал.

– Как там твоя мама?

Билли тяжело вздохнул:

– Пока ещё держится, спит, – затем он тоже подошёл к окну и добавил, глядя на улицу. – Наверное, помощь, о которой вы договаривались, задержится из-за грозы.

У Алекса сжался ком в горле. Он судорожно глотнул и хотел быстро выпалить о том, что никакой помощи не будет, извиниться и убежать отсюда, навстречу с бурей, но из уст вырвалось лишь одно:

– Наверное...

В кухне раздался постепенно нарастающий свист закипающего чайника.

* * *

Солнце, которого не было видно, катилось к закату. Почти всё это время они молча сидели на кухне. Приблизительно раз в двадцать минут Билли поднимался наверх проводить свою мать. Алекс не понимал, что он здесь делает. Несколько раз он решительно вставал со стула и был готов выложить Билли всю правду, какой бы горькой она ни была, но не мог. И чем дольше откладывал, тем сложнее были последующие попытки сделать это.

– Кажется, дождь немного утих, – Билли стоял у окна. – Взгляните.

Алекс подошёл к нему и тоже выглянул во двор: пар шёл от земли густым туманом, смешиваясь с грязным оранжевым цветом неба, создавая впечатление далёкого пожара, от которого разносился густой чёрный дым, накрывающий собой

всё вокруг: и океан, и деревья, и остывший к вечеру песок.

– Значит, машина скоро приедет, – подбадривал сам себя Билли. – Пока дождь немного утих, я схожу на задний двор, проверю как там Тим – наш пёс.

Он вышел из дома и скрылся за углом. Алекс стоял у окна не двигаясь и глядел в пустоту. Потерянный, не знающий, что же со всем этим делать. Зачем он только дал надежду Биллу? Ради чего? Люди каждый день умирают, это статистика. Но нет же, что-то подвигло его протянуть руку, пусть и не существующей помощи, или всё же...?

В голове появляется лишь одна неизвестно откуда взятая мысль. Алекс, словно зомби, ведомый лишь ногами и инстинктом, отправился на верхний этаж, не спеша поднимаясь по скрипучей лестнице. Дальше его встретил длинный узкий коридор. Открыв первую попавшуюся дверь, он сразу попал туда, куда нужно. Комната была маленькой и почти пустой. В середине находилась кровать с журнальным столиком, на котором стояла лампа – единственный работающий источник света. Воздух был немного загустевший, но не настолько, чтобы заполнить разум и лёгкие плотной консистенцией смерти.

Алекс уверенным шагом приближался к кровати всё ближе и ближе и ничуть не ужаснулся, увидев измученную, истощённую раковой опухолью женщину. Она была похожа на скелет обтянутый кожей. Широко открытыми глазами она внимательно, также невозмутимо смотрела прямо в глаза

незнакомцу, который чувствовал, как жизнь покидает её тело, а она чувствовала то, что он это осознаёт. Около минуты они просто смотрели друг на друга. Алекс разговаривал с ней мысленно, пытаясь извиниться перед человеком, которого он убивает своим бездействием. И извинялся за её сына, за внуков, которых она больше никогда не приласкает, не подарит им подарки на рождество, а они лишь изредка будут носить ей на могилу цветы, вспоминая о том, какой она была при жизни, какие имела привычки, какова была её молодость и всё самое хорошее, что только могло быть в ней.

Пожилая женщина зашевелилась и попыталась поднять руку, но давалось ей это с трудом. Алекс сообразил, чего она хочет, и аккуратно взял её за руку. Кожа холодная и сухая, как увядший цветок. Умирающая крепко, насколько хватило сил, сжала ладонь незнакомца, затем её лицо немного скривилось, и она горько заплакала, отвернувшись к противоположной стене и закрыв глаза. Тишину нарушали лишь тихие, едва слышимые всхлипывания. Женщина отпустила тёплую руку незнакомца, подобно утопающему, отпустившему спасательный круг. Алекс развернулся и поспешил выйти из помещения, теперь уже точно зная, что делать.

Он достал из кармана толстовки телефон и набрал нужный ему номер. Гудок. Второй. Третий. Затем ответ. Хрипловатый, но, по-прежнему внушающий уважение, голос:

– Алло?

Алекс выдохнул и решительно сказал:

– Мистер Дениелс, здравствуйте, это...

– Алексис? – голос пожилого мужчины был удивлённым и радостным одновременно. – Алексис, парень, это ты?

– Да, мистер Дениелс. Это я, – Алекс немного растерялся и решил перейти к делу. – Я хотел просить вас о помощи...

Глава 8

Кларкс сидел в зрительном зале, смотря один из самых худших фильмов, которые он когда-либо видел. Ряды были усеяны гламурными дамочками и жадно чавкающими попкорном, пытающимися хоть чем-то заесть эту мыльную мелодраму их спутниками. С годами не меняется ничего, и даже привычки. Вот только удовольствия они доставляют куда меньше. Кларкс пожалел о том, что пришёл сюда, но Сандра была настойчива, да и интересно вспомнить все эти чувства спустя вечность: тепло женской руки, запах духов, запах того же попкорна, услышать искусственно созданные людьми звуки, увидеть отснятые ими кадры дешёвого кино. Но теперь это всё казалось пустым и небрежным.

Возможно, виной тому служили мысли, которые сейчас были только об Алексе. Кларкс нервничал: когда зал смеялся, он лишь вздрагивал и настороженно оглядывался по сторонам, ожидая чего-то. В один такой момент, примерно на середине киноленты, Сандра заметила это и спросила всё ли в порядке. Кларкс сделал невозмутимый взгляд и как обычно улыбнулся в своей манере, сказав, что всё отлично. Однако ещё через несколько таких моментов он сдался, и они с Сандрой покинули помещение наполненное попкорном, колой, темнотой и громкими звуками.

– Что случилось?

– Да всё нормально, просто я не фанат таких фильмов, – Кларкс слегка улыбался, держа Сандру за руку и шагая к выходу.

Довольно тесный контакт для первого дня знакомства, но отчего-то это не смущало ни его, ни её. Будто бы так и должно быть. Это очень редкая связь, которая возникает, лишь когда люди уверены, что они не причинят друг другу вреда, либо когда им нечего терять.

– Но ты был таким разговорчивым, улыбался всё время, а зайдя в зал, стал... угрюмым что ли, вздрагиваешь при каждом шорохе.

– Я и сейчас улыбаюсь, – Кларкс приостановился, продемонстрировав свою широкую улыбку спутнице.

Но, на неё это не произвело никакого впечатления, она хмуро смотрела, ожидая объяснений. Да уж. Девушка оказалась более чуткой, чем ожидал Кларкс. При этой мысли его натянутая улыбка плавно превратилась в слегка встревоженное выражение лица. Он зашагал вперёд, уже выходя из кинотеатра:

– Ты права. Просто у меня один знакомый сейчас в беде, вот и беспокоюсь за него.

– О боже! Что-то серьёзное? Тебе нужно к нему съездить? Кларкс слегка засмеялся и приобняв её за талию потащил вперёд:

– Нет, что ты. Ему поможет только он сам. Или? – Кларкс приподнял одну бровь и отстранился от девушки. – Это твой

самый оригинальный способ от меня избавиться?

Девушка засмеялась.

– Сэнди, – Кларкс приблизился к Сандре и нежно провёл обратной стороной ладони по её щеке, и очень тихо, но глухо произнёс. – Даже если это так, то оставь свои старания и смирись с тем, что я никуда от тебя не уйду.

Девушка смотрела на него совершенно наивным взглядом пятнадцатилетней девочки, сама не понимая, почему. От Кларкса веяло силой и уверенностью, но не внушающими ужас и трепет, а напротив, вызывающими доверие и уважение. А главное, все слова, чтобы он ни говорил, звучали искренне, и если он что-то недоговаривал, то точно не врал. Сандра молчала, и её взгляд лишь бегал с одного зелёного ока Кларкса на другое, пока тот вдруг не поднял голову к небу, оглянулся налево, направо, затем снова посмотрел на девушку и неожиданно радостно заявил:

– Уже темно, я тебя провожу.

– Конечно, а что вдруг ты стал каким-то счастливым? – Сандра улыбнулась.

Кларкс был очень странным – эмоции на его лице менялись каждые десять, а то и пять минут. И девушке это нравилось, впрочем, как и большинству из них. Правда, сначала было не привычно, и она не могла угнаться за мыслями нового знакомого, но сейчас уже вполне привыкла к этому.

– Всё тебе расскажи, – Кларкс подмигнул девушке и они оба слегка смеясь направились вперёд по тротуару оживлён-

ной улицы.

Стемнело. Город осветили яркие вывески магазинов, ресторанов и оранжево-алые огни уличных фонарей. Над крышами небоскрёбов не было привычно плавающих ленивых туч, но зато звёзды, похожие на отдалённые снежинки в небе, отражали свет города и уже спрятавшегося солнца. Хороший бостонский вечер, обещающий продлить жизнь и подарить свет каждому своему обитателю. По лужам радостно прыгал темнокожий бомж с улыбкой на лице, поглядывая периодически в небеса и что-то напевая под нос.

* * *

Буря закончилась, прогоняя дурные мысли и тяжёлые облака прочь, обнажая яркую, но такую холодную луну. Отдалённую, отчуждённую, но необходимую всем нам. Как и кислород, как дурная привычка, напоминающая о том, что без неё никак не обойтись.

Алекс сидел на мокрой скамейке возле дома и курил, шоркая кроссовками по мокрому песку. Рядом сияли красно-синими мигалками две машины полицейского эскорта и специальная машина для перевозки тяжелобольных. Мать Билли аккуратно выносили на носилках четверо здоровых ребят в халатах бирюзового цвета, сам Билл шёл рядом, наклонившись и, вероятно, перешёптываясь с родным человеком.

– Мистер Фримен, – раздался хриловатый голос одного из офицеров.

Он подошёл ближе. Молодой, но достаточно коренастый

смуглый парень, коротко стриженный. Вероятно служивший. Алекс это сразу понял по манере разговора.

– Если Вам нужно доехать до города, то мы можем подвезти.

Дениелс неплохо осведомил своих людей. Алекс устало выдохнул и одобрительно кивнул.

– Хорошо. Тогда мы будем ждать вас в машине.

Раздвижные двери спецмашины захлопнулись, скрывая носилки и санитаров. Алекс, поднявшись со скамьи, не спеша направился к эскортной машине, в которую сел тот самый офицер. Он шагал, проваливаясь в мокрый песок и вдыхая напоследок запах побережья и океана. Билли радостно подбежал к нему, но не остановил, а лишь пошёл рядом:

– Мистер Фримен, спасибо вам. Спасибо огромное, если бы не вы...

– Полегче, Билл, – Алекс остановился и хлопнул его по плечу. – Гарантий ведь никаких нет. Я лишь сделал то, что от меня зависело. Теперь жизнь твоей матери в руках докторов, и я искренне надеюсь, что в скором времени ты будешь благодарить их. А меня не стоит.

– Вы, безусловно, правы, но всё равно, – Билли послушно успокоился и выдохнул, протягивая руку Алексу. – Спасибо вам. Если только понадобится, дайте знать.

Фримен пожал протянутую руку, слегка улыбаясь. После открыл дверь машины и устало рухнул на заднее сиденье, прикрыл потяжелевшие веки, пытаясь забыться. Послышал-

ся чуть слышный через стёкла вой сирен и Алекс почувствовал, как машина с большой скоростью дёрнулась вперёд, слегка покачиваясь на песчаных кочках, а затем, выйдя на шоссе, словно стрела начала уходить в очень далёкую и невидимую точку.

* * *

– Неужели ты и вправду считаешь, что мир вокруг нас всего лишь иллюзия? – девушка не могла угомониться.

Сандра оказалась не такой уж и обычной, какой могла показаться на первый взгляд. Это приятно удивляло. Как оказалось, фильм ей самой не понравился, и она вообще не любит такие фильмы, а ходит на них, только потому, что все её друзья смотрят их, а одиночество не для неё, чтобы ходить одной на дешёвые премьеры.

– Угу, – Кларкс, невозмутимо улыбаясь, кивнул.

– Но тогда получается что и ты иллюзия, и я, – Сандра указала на проходящего мимо мужчину, выгуливающего собаку, отчего он от неожиданности поднял глаза на неё. – И он тоже... ой.

Девушка хихикнула. Они с Кларксом стояли у подъезда и всё никак не могли разойтись.

– Именно так всё и есть.

– Хм, – Сандра подозрительно прищурила свои голубые слегка хищные глаза. – Скажи мне, незнакомец. Что же тогда тебе мешает сейчас разговаривать с кем-то другим, ведь я ничем не отличаюсь от остальных. По каким причинам ты

удостоил именно меня своим вниманием?

Кларкс наивно посмотрел на девушку и взял её за руку:

– Ошибаешься, Сэнди, – затем он перевёл свой пленяющий взгляд с рук на её лицо. – Ты одна из самых прекрасных иллюзий, которых я знаю.

– Стой, – Сандра, за весь день уже привыкшая к таким соблазняющим заходам нового друга, резко оборвала его. – Дай угадаю, я не САМАЯ прекрасная иллюзия потому, что на первом месте, конечно же, ты.

Кларкс засмеялся и отстранился:

– Умная девушка опаснее кровожадного маньяка.

– А ты рискни, – она неожиданно шагнула вперёд и, положив руки Кларкса себе на талию, страстно прижалась к его губам.

– Пожалуй рискну, ты меня убедила.

Ещё один долгий и страстный поцелуй, от которого под кожей начинают пульсировать даже самые мелкие вены, вызывая по всему телу мурашки. Затем, Сандра, отчего-то неуверенно, будто боясь что-то испортить ещё не начавшееся, но уже так глубоко ценимое ей, тихо шепнула на ухо:

– Может быть, ты никуда не поедешь, а останешься сегодня у меня?

Кларкс улыбнулся и молча последовал за девушкой к её подъезду. Молчание означало согласие. Сегодня прекрасный вечер, и впереди ожидает ещё более прекрасная ночь. Ничто и никто не должны испортить её. Но разве это даёт какие-то

гарантии?

За спиной раздался звук автомобильного сигнала и Кларкс отвлёк девушку в сторону, смотря вслед жёлтой машине такси. Что-то в ней было не так. Он смотрел ей вслед, не отрываясь, пока не вспомнил знакомый номер, сияющий на бампере. И вдруг у него внутри будто завёлся таймер. Секунды уже начали обратный отсчёт. Самообладание и появившийся из ниоткуда адреналин заставили мозг быстро соображать. Нужно как-то вежливо всё объяснить, чтобы она поняла.

– Сандра, – Кларкс резко позвал девушку. – Я совсем забыл, мне срочно нужно попасть в одно место.

– Что? Но ты же говорил всё хорошо? – в голосе девушки слышалась досада и разочарование.

Кларкс подошёл к ней вплотную и крепко обнял.

– Пойми, это очень важно. Я не могу тебе всего рассказывать, но если я не успею, может случиться беда.

Девушка пристально взглянула на встревоженное лицо Кларкса и немного сдавленно сказала, отвернувшись куда-то в сторону:

– Я бы никому не поверила, услышав эти слова. Но тебе я верю, не знаю почему.

– Сэнди, – он заглянул ей в глаза и его голос стал чуточку мягче. – Скажи номер квартиры, я приеду, как только всё решится.

– Сорок вторая.

– До встречи, – Кларкс в последний раз поцеловал её в горячие губы и побежал вслед за машиной, затем развернулся и громко закричал, на весь двор. – Я вернусь! Только не засыпай!

Его силуэт, всё больше отдаляющийся от освещённых окон дома, постепенно растворился в темноте.

* * *

Город по приближению ночи становился всё менее приветливым. Вой полицейских сирен местами заглушал звуки других машин, людей. Во дворах, в воздухе парило чувство беды и тревоги, смешанное с запахом травы и прочей «дури», что курили «братки» на скамейках, смеясь как сумасшедшие, но нервно поглядывающие на пробегающую мимо фигуру неместного парня в чёрной рубашке, кедах, и чёрных джинсах.

Кларкс знал, что это неблагополучный район, и стоит быть начеку, но подгоняющее чувство времени заставляло забыть об инстинктах самосохранения и бежать со всех ног, что есть сил. Выбежав на людную улицу, освещённую жёлтыми фонарями, он слегка сбавил ход. Нужно было на всякий случай позвонить Алексу, его помощь, возможно, не будет лишней. Гудок. Следующий. И так раз десять – телефон не отвечал. На ходу Кларкс быстро написал смс сообщение и снова прибавил шаг.

Ноги начал слегка жечь пробирающий изнутри огонь, так же как и лёгкие. Осталось пара кварталов. Немного, если

не думать о том, сколько это в метрах.

* * *

– Мистер Фримен, – голос офицера разбудил спящего на заднем сидении слегка помятого Алекса. – Мы доехали до больницы. Женщина и ваш друг останутся здесь. Теперь скажите куда, и мы вас отвезём.

Алекс посмотрел в окно: ярко освещённая парковка больницы, из спецмашины аккуратно вытаскивают носилки, и целая бригада медиков следуют за ними, а следом семенит Билли.

– Эспедейер, двадцать семь.

– Окей. Кстати, у вас телефон звонил.

Алекс спешно проверил входящие: два пропущенных от неопределённого номера и смс с текстом: «Срочно езжай к клубу, где мы с тобой разговаривали. К.». Кларкс? Что могло с ним случиться? Ушёл развлекаться с секретаршей, оставив в такой момент. Но в глубине души, Алекс, отчего то понимал, что его новый друг поступил правильно и пока ещё ни разу не подводил.

Услышав новые распоряжения, офицер сказал «Понял», и машина, сияя мигалками и гудя сиренами, выехала через массивные железные ворота с красными врестами на створка и помчалась по городским улицам.

* * *

Последний, заполненный грязью и лужами старенький пошарпанный двор. Уже слышна музыка за углом, доносящая-

ся из знакомого клуба. Последние несколько метров чавкающей грязи и, наконец, ровная, освещённая прожекторами и вывеской площадка.

– Неужели, – Кларкс взглянул на часы – время ещё было, после чего сокрушённо присел на ступени, ведущие к парадному входу.

Рядом сидели пьяные в ноль, и не совсем, молодые ребята, обсуждая что-то из музыки. И вдруг Кларкс заметил жёлтую машину со знакомыми номерами, медленно подползающую к клубу, словно змея к жертве. В животе что-то очень неприятно зашевелилось, руки стали холодными и слегка задрожали – сбывалось то, чего он так опасался. «Возьми себя в руки, возьми себя в руки».

Такси остановилось напротив, но основная угроза была, разумеется, за спиной. Раздался глухой удар в дверь, и та распахнулась. Из помещения вышли шесть крепких ребят: все в косухах, с шипами, ирокезами, изрядно пьяные. Кларкс презирал таких людей за то, что такие как они позорили музыку, которую слушали. Это ни рокеры, ни панки, ни металлисты – а всего лишь позёры. Жалкие и ничтожные, не понимающие ничего из того, к чему на самом деле призывает хорошая музыка. Но ничего, какая разница. Пусть идут своей дорогой.

Но приглядевшись, Кларкс заметил, что двое последние тащат молодую девушку. Можно даже сказать девочку с чёрными, немного растрёпанными волосами. Несомненно, это

была та самая «копия», с которой Кларкс должен был провести этот концерт и отправить её домой – Сара. Позёры смеялись на весь двор и во весь голос обсуждали все самые мерзкие и отвратительные похотливые желания, связанные с беспомощной девушкой, после того, как они привезут её в какое-то место.

Кларкс возненавидел этих ребят всем сердцем. Ярость наполняла тело адреналином. Поджилки тряслись, как и руки, и каждая крошечная мышца. Он резко встал со ступенек и пошёл к толпе, усаживающей девушку в машину.

Когда один из парней пытался залезть следом, Кларкс остановил его, положив на плечо крепкую руку и произнёс абсолютно враждебным, холодным голосом:

– Дальше девушка едет со мной. Ни один из вас в машину не сядет.

На пару секунд это подействовало, но тут же опомнившись, самый здоровый из толпы с противным лицом и запахом изо рта одёрнул незнакомца:

– Ты ничего не перепутал? Сегодня мы развлекаемся с ней, – он небрежно указал пальцем на Сару, сидящую на заднем сидении, почти без сознания. – Так что беги ты отсюда, панкуша, да поскорее.

Палец здоровяка переключился на незнакомца, тыча его в грудь, и напрасно. Вероятно, это та ошибка, о которой люди жалеют годами, либо до тех пор, пока не срастутся кости.

– Сначала со мной развлекайся! – Кларкс схватил этот са-

мый пале и вывернул его в обратную сторону.

Раздался хруст кости, а затем бешеный крик здоровяка.

Следующий удар головой в нос добил кричащего позёра. Но, к сожалению, принцип «убей вожака, и стая разбежится» работает не всегда. Волна ударов накрыла Кларкса с ног до головы. Некоторые из них он отражал, но без толку – прилетали новые. Один из толпы, прижал его руками к машине, пытаясь выдавить глаза. Кларкс одичало вцепился нападающему в горло зубами. Тот завопил и из его шеи хлынул поток крови из прокушенной кожи. Машина такси неожиданно дёрнулась вперёд и озверевший Кларкс, обезумевший от ненависти и желания спасти, с окровавленным подбородком, ставший похожим на хищника, припал на четвереньки, потеряв равновесие. Трое парней настороженно зажимали незнакомца в кольцо, а четвёртый наклонился над выброшенной из машины трусливым водителем Сарой. Увидев это, Кларкс словно гибкое животное в два прыжка настиг жертву, затем опрокинул своего врага навзничь и несколько раз крепко приложил его голову о мокрый асфальт, пока не начали проступать алые лужицы. Крепкий удар ногой по рёбрам остановил его. В глазах потемнело от нехватки кислорода и боли в боку. Неспособный подняться на ноги, Кларкс сделал единственное, что ещё мог. Под натиском ударов он приблизился к девушке и крепко прижался к ней своим телом, пряча от обидчиков, которые били его по спине, по голове, по ногам, но боль не ощущалась. Уже не ощуща-

лась, её было слишком много. Лишь кровь и пот затекали в глаза, щипля их, и неустанно билось сердце.

На площадке не было никого, кроме драчунов и девушки. Пьяные парнишки, сидевшие на ступеньках, почувствовав беду, сразу скрылись во тьме дворов, а остальные люди сейчас сидели в тёплом клубе, попивали пиво и слушали музыку, не подозревая, что происходит прямо у них под носом. Звать на помощь бесполезно, всё, что оставалось делать – это ждать, пока мозг не начнёт вытекать через уши, либо стать самым наглым оптимистом на планете и надеяться на чудо. Но Кларкс не думал ни о чём, кроме девушки, лежащей под ним и, даже, не подозревающей что происходит. Удар. Хруст в суставах. Боевой клич позёра – удар по голове. Лёгкий звон. Лицо девушки расплывается в теряющемся сознании.

На небе не было ни туч, ни звёзд. Лишь далёкая, и холодная луна ярко освещала побоище, будто надменная императрица благословляет гладиаторов на проливание крови. Пока холодный предсмертный свет не развеял ярко-жёлтый спасительный, изгоняющий всю тьму и злобу этого мира, зовущий к себе уцелевших, обещающий защиту и покой, луч.

Опьянённые кровью и болью жертв, позёры заметили подъехавшую полицейскую машину не сразу, а лишь когда из неё выскочил Алекс и тяжёлым ударом вырубил одного из них. Следом вышли офицеры с дубинками наготове. Двоим удалось убежать, покинув место побоища, своих валяю-

щихся на земле товарищей и два изувеченных тела, прижатых друг к другу.

Алекс перевернул тело и сразу узнал Кларкса, выглядел он худо. Пульс есть, но глаза закрыты. Лицо девушки и вся одежда испачканы кровью, но не её. Она цела и невредима.

– Эй, Кларкс, – Фримен слегка шлёпнул по щекам пострадавшего.

Тот скорчился от боли, затем широко открыл глаза и, узнав Алекса, повернул голову – убедиться в том, что Сара в порядке.

– Да жива она, жива, господи... Как же они тебя отделали.

Кларкс улыбнулся и попытался подняться на ноги, но малейшее движение вызывало жгучую боль. Алекс закинул его руку себе за шею, помогая встать.

– Вот же уроды, – разговаривали между собой офицеры, надевая наручники на несостоявшихся насильников.

– В участок их?

– Даже не знаю, я бы нейтрализовал их на месте, как это делается в Ираке.

– А с девочкой что делать?

– Нужно отвезти её в больницу, – вмешался в разговор Алекс, усаживая Кларкса на заднее сидение полицейского автомобиля. – И его тоже.

Кларкс что-то бессвязно бормотал:

– Не.. не.. меня домой. А девушке ну—ну – нужна скорая... помощь.

Офицеры переглянулись.

– Мистер Фримен, тогда мы вызовем скорую, и подождём, пока за вами не приедут. А сами отвезём этих в участок. Идёт?

– Идёт.

Алекс подошёл к лежащей девушке и присел рядом с ней на корточки, внимательно её изучая. Кого-то она ему напоминала. Затем он перевёл взгляд на Кларкса и снова на неё. Теперь понятно кого.

Глава 9

Как оказалось, у девушки было отравление наркотиками, но врачи сказали пара дней под капельницей всё исправят, а вот избитому придётся непросто. Но Алекс настоял на том, чтобы ему оказали первую помощь и отпустили домой. Женщина врач в больнице устало ответила: «Ваше право».

Пока всё это происходило там, Кларкс лежал в палате реанимации и смотрел в синий потолок, освещённый потрескивающими люминесцентными лампами. Он слышал каждое слово за тонкой стеклянной стеной, отгораживающей его от людного коридора больницы.

Внезапно тело будто покрылось холодной стягивающей плёнкой. Зубы застучали. Этот холод хорошо знаком ему. Даже в состоянии смерти теплее, чем в состоянии бесплотности. Лампы начали тускнеть, а свет в коридоре погас. Все земные звуки стихли, будто всё, что есть на свете, исчезло в хаосе и небытии по щелчку пальцев. Послышались глухие шаги. В палате был кто-то посторонний. Затем этот кто-то пододвинул стул, скрипя металлическими ножками по кафелю, поближе к кушетке, на которой, дрожа каждой мышцей, лежал Кларкс, и, наклонившись, произнёс:

– Мне многое непонятно из того, что ты делаешь, четвёртый, – голос анифезара был грубым и надменным.

Кларкс ничего не мог ответить, ведь он подозревал, что

настанет такой момент, да и перед мощью Громогласа – старшего анифезара, пусть и в облике человека, нельзя было устоять.

– Я думал, ты хорошо понимаешь свою задачу, путевод. И надеюсь, что ты и сейчас отдаёшь себе отчёт о происходящем вокруг. Ты дрожишь, потому что начинаешь привязываться к оболочке по зову самых примитивных чувств во вселенной. К тем, что приносят тебе радость, удовольствие, и, даже, боль. Ты не забыл кто ты есть?

Отчего-то речи Громогласа действовали на Кларкса раздражающе, и он вспылал:

– В чём проблема? Алекс Фримен идёт по своему пути и неплохо справляется с этим. Разве... – голос внезапно куда-то исчез, и из открывающегося немого рта не вышло ни звука.

– Ты должен молчать и слушать! – анифезар приблизился к лицу Кларкса, тот сокрушённо закрыл глаза и отвернулся в сторону, к зелёной стене. – Путевод номер четыре, просто не забывай о том кто ты, и зачем здесь. Не отвлекайся ни на что, и ни к чему не привязывайся.

Затем грозные брови Громогласа расслабились, он поднялся со стула на ноги и уже, почти заботливо, смягчая тон, добавил, растворяясь в воздухе:

– Когда ты существуешь ради кого-то, очень легко потерять себя. Помни об этом. Помни...

* * *

Вторник, шестое апреля. Начинало светать. Алекс сидел на заднем сидении, а Кларкс, с наложенными швами на лице, с медицинским корсетом ниже груди и в больничном халате, расположился на переднем. Такси неспешно передвигалось по залитым густым бостонским туманом одиноким улицам. Оба они угрюмо молчали, каждый думая о своём. Солнце поднималось всё выше и выше, но стены небоскрёбов лишь изредка пропускали лучи.

Алекс периодически хмуро и укоризненно поглядывал на Кларкса. Его мучило множество вопросов, которые нуждались в ответах, но на подъезде к дому сонливость начала одолевать мозг. Машина остановилась напротив места назначения. Избитый полуголый пострадавший незамедлительно открыл свою дверцу и побрёл к чёрной домофонной калитке. Фримен тоже вышел из машины, затем, поблагодарив таксиста, расплатился и ускорил шаг, доставая из кармана ключи. Открыл калитку, и они вместе зашли во внутренний двор, направляясь к входной двери мимо редко, аккуратно посаженных в клумбах, сухих и тонких деревьев, детской площадки и скамеек около подъездных дверей.

Алекс вовремя вспомнил про пакет с испорченными вещами своего друга, находившийся в руке, и, подумав о том, что они ему больше не пригодятся, подбежал к мусорному баку у въезда на площадку и отправил содержимое вместе с полиэтиленом на дно. Кларкс с грустью наблюдал за этой картиной, держа в руках серебряную цепочку, сдёрнутую

во время драки с рубашки.

* * *

Наверное, каждый чувствовал себя стариком в пятнадцать лет, в двадцать, двадцать пять. Но интересно, люди чувствуют себя молодыми в старости? Это должно быть редкостью, ведь когда твоё тело полно сил, а кожа ещё гладкая, можно с лёгкостью изобразить перед зеркалом морщины на лбу, на глазах и тем самым представить себя пожилым человеком. Можно чувствовать себя стариком во время болезни, когда не можешь встать на ноги и расправить спину, когда болит горло и голос хриплый, как у курильщика со стажем. И это может показаться, даже, забавным, потому что до старости так далеко, впереди ещё вся жизнь. Но когда проводишь каждый вечер в кресле-качалке, перед тем как начать читать книгу надеваешь очки, каждый день просыпаешься и смотришь в зеркало на старую с глубокими морщинами кожу, даже в мысли и не придёт попытаться её разгладить. Почему? Потому что это может показаться глупым ребячеством, или, скорее, по той причине, что это вызовет лишь досаду и грусть. И как жить с мыслью, что каждое утро может стать для тебя последним, и в твой дом постучится тётка с косой. Страшно умирать старым, а молодым, похоже, что нет. Легко уходить, когда у тебя ещё нет сожалений о прошлом, но уже достаточно накопленной злобы на мир, предательский, несправедливый, в который ты уже практически потерял веру.

Алекс пытался почувствовать горячий пар, идущий от чая налитого в кружку. Обычно он пил кофе, но именно сейчас почему-то захотел чай. Он водил рукой над гладью кипятка смешанного с заваркой оранжевого цвета и не чувствовал ничего. Ладонь была уже красной и мокрой, однако ни намёка на тепло не было. Такая же беда обнаружилась со вкусом. Напиток касался губ, медленной струйкой проникал по пищеводу к желудку. Лишь опустошив залпом всю кружку, почувствовалось лёгкое жжение, разгоняющее импульсы по органам.

Далее экспериментировать Фримен не стал, хотя сидя на кухне, минут пять лениво поглядывал на нож, висящий на магнитной полке. Вероятно, это – либо результат того, что с ним происходит, либо причина. Лишь в одном он уверен точно, всё должно быть именно так. Ведь хоть что-то должно быть особенное в смерти? Возможно, притупление чувств и есть один из признаков.

Алекс прошёл из кухни в просторную гостиную, в которой крепко спал Кларкс, развалившись на дорогом кожаном диване, голый, лишь накрытый лёгким серым пледом. После того, как они зашли в квартиру, практически не разговаривали – чувство усталости было сильнее желания что-то обсуждать. Поэтому Алекс предложил другу устроиться на диване, а сам пошёл в душ. Вода лишь отчасти взбудрила тело и мысли, не давая погружаться в сон.

Фримен подумал, что едва ли в его гардеробе найдёт-

ся подходящая одежда для избитого голого панка, который проснувшись, несомненно, начнёт разгуливать в таком виде по квартире. Нужно предпринять какие-либо действия, дабы не допустить этого разврата. Алекс надел чёрную кожанную куртку, взял портмоне и вышел из дома.

Густой туман окутал город серебристо-молочным шарфом. Не было ничего видно в пределах двадцати-тридцати метров. Алекс поднял голову вверх: солнце было уже высоко, но густая масса не давала лучам достигнуть земли, и лишь одинокие верхушки небоскрёбов, словно копья павших воинов торчащие из-под снега, достаивались прикосновения небесного светила. По времени должно было быть около полудня, однако непривычная для Бостона в такое время тишина не нарушалась даже звуками машин, поскольку выйдя на проезжую часть, Алекс не видел их, так же, как и не видел людей. Всё замерло. Лишь ворона, сидящая на светофорном столбе, что-то каркала о своём, глядя на одинокую фигуру, медленно и неуверенно шагающую по тротуару.

Такого Фримен не видел никогда. Всё это походило на пост апокалипсис, мир, где люди вымерли, оставив земле свои творения на долгие и долгие годы, пока природные катаклизмы не сотрут в порошок асфальтированные дороги и не съедят металлические опоры небоскрёбов. Жуткое зрелище. Алекс чуть вздрогнул и, решив не мешкать, быстро зашёл в ближайший магазин одежды.

– Эй, – позвал он, заходя в тесноватый зал, заполненный

вешалками, манекенами, стеллажами и ящиками с различными вещами. – Есть кто-нибудь?

Дверь тихонько захлопнулась. Вошедший прошёл между рядов светлого помещения. На стенах висели несколько зеркал, постеров со стильно одетыми мужчинами, женщинами, и камеры в углах. В магазине никого, лишь очень тихо играет радиоприёмник через проведённые колонки, напевая очень жуткую незнакомую мелодию. В памяти одинокого покупателя невольно всплыл фильм с похожими декорациями. Лучше сейчас не думать о таком.

Взгляд поймал стоящий вдалеке манекен, точнее то, что было на него надето. «То, что нужно» – Алекс улыбнулся, быстро снимая с него вещи и запихивая их в пакет, взятый на безлюдной кассе. С этим покончено, можно уходить.

Едва пальцы коснулись ручки двери, ведущей на улицу, как сзади раздался возмущённый голос:

– Мистер, не желаете ли вы расплатиться за вещи, дабы подтвердить своё законное право владеть ими, мм?

Алекс от неожиданности дёрнулся и чуть не выронил пакет из рук, затем начал разворачиваться, произнося:

– Извините, я думал.... Что?

Ещё большее удивление настигло его, когда подойдя к кассе, он узрел сидящего на крутящемся кресле весёлого старика не очень опрятной внешности. Без сомнения это он – тот самый бомж, который сначала вывел Алекса из себя в кафе мотеля, затем танцевал на улице, грызя кукурузу и гро-

зя пальцем. Темнокожий старичок покачивался на кресле и добродушно смеялся:

– Хе-хе, у тебя смешной вид.

Алекс был возмущён и недоумённо смотрел в глубокие карие глаза бомжа, слегка прикрытые редко пробивающейся из-под серой дырявой шапки чёлкой.

– Ну, я имею в виду, у тебя куртка на левую сторону надета.

Фримен взглянул на себя – и правда, старик не соврал. Но удивление было сильнее, и он, не став ничего с этим делать, уставился на «кассира», который беспечно улыбался и кружился на кресле. Затем бомж остановился, и, устало выдохнув, облокотился на край стола:

– Трудные дни, да? – отчего-то очень грустно и с сочувствием спросил он. – У меня такие дни тоже бывают...

Невысокий старичок поднялся с кресла и подошёл к широкому окну, глядя в пустую белоснежную улицу, продолжая говорить:

– ... временами я сижу на скамейке в парке, смотрю на лужи и вижу в них своё отражение. Думаю о том, чего мне так не хватает. Душа так и просится наружу вольной птицей в неизведанные дали, – бомж очень артистично жестикულიровал при каждом предложении, словно красноречивый оратор. – Знаешь, когда комок слёз подкатывает к горлу и так хочется выть. словно одинокий волк, отбившийся от стаи. Он ведь не всегда был таким. Когда-то у него была семья,

дети, но пришло время, когда они решили, что без него будет легче, и покинули его, пока он спал, прикрытый снегом и тенью деревьев. А затем, этот брошенный волк просыпается и без лишних истерик молча уходит в противоположную сторону, чтобы не быть обузой своим близким.

Алекс слушал очень внимательно, пытаясь уловить связь во всём этом.

– Так и я, мой друг, бесцельно брожу по улицам и не понимаю, зачем я здесь? С какой целью Господь прислал меня в этот мир, где никто никого совсем не любит, и где никому нет дела до старика, вроде меня. И внутри разрывает пустота. А у всех на уме лишь деньги, власть и развлечения, – последние слова он искажил, словно дразня современную тенденцию жизни. – Но затем, я встаю со скамьи, проглатываю этот самый комок, и, гордо подняв голову, понимаю...

Бомж так и поступил – он выпрямился и устремил свой взгляд куда-то вдаль, оборвав на этом речь, будто пластинку заело. Алекс подошёл к нему поближе, пристально глядя в лицо, затем пощёлкал пальцами, и старик снова оживился, растерянно глядя на своего слушателя.

– Что понимаешь-то?

– А, да ничего особенного, – старичок весело отмахнулся и снова уселся в кресло. – Просто понимаю, что я всего лишь проголодался. А затем, стоит чего-нибудь перекусить и становится легче!

Бомж закатился смехом, глядя на досаду, выступившую

в выражении лица Фримена, который недолго думая развернулся и, мотая головой, направился к выходу:

– Ты не в себе старик, ты не в себе...

– Знаешь ли, уважаемый, это ещё спорный вопрос, кто из нас не в себе, – кинул ему вслед весёлый рассказчик. – В отличие от тебя, я не граблю магазины!

– Что? – Алекс сморщился и остановился, оборачиваясь к «кассиру».

– Что такое магазины? Или что такое грабёж? Хе-хе.

– Что ты несёшь? Ты не продавец, посмотри на себя!

– Ну почему же ты судишь так же, как и все остальные? – произнёс старик по-детски обиженно. – Неужели если на мне нет костюма и дорогой одежды, я не могу её продавать?

Слова бомжа действовали на нервы не хуже чем создававшаяся длинная дорожная пробка, не пропускающая тебя на широкое свободное шоссе, или оживлённая очередь в центре занятости, хотя Алекс уже забыл о втором.

– А-а-а, – старик поднялся с кресла и направился к ближайшему манекену с солидным костюмом. – Я знаю что делать.

Он снял пиджак с пластмассовых плеч и надел его на себя. Затем повернулся к «покупателю» и радостно запрыгал, разведя руки в разные стороны:

– Ну, как я тебе теперь, мой друг? Хе-хе! Мне идёт этот цвет? Он подчёркивает мою индивидуальность и солидность? – радостный бомж плясал без остановки, демонстри-

руя себя единственному покупателю. – Теперь вы не считаете заплатить за покупки МНЕ ниже своего достоинства, мистер? Хе-хе!

Алекс не выдержал и, нервно бросив стодолларовую купюру на столик за кассой, выбежал из магазина, захлопнув за собой дверь.

* * *

Кроссовки, наполненные со вчерашнего дня песком, неприятно шоркали стопы, отчего пришлось остановиться у одного из перекрёстков и снять их. Босые ноги коснулись твёрдой глади бетона и тело будто стало тяжелее, а движения скованными. Алекс взял обувь в руки и направился в сторону дома, всё по тем же безлюдным неприветливым улицам.

Но вдруг послышался странный шёпот. Фримен ошарашенно посмотрел по сторонам – вокруг никого, лишь белая пелена, затянувшая всё от асфальта до вершин небоскрёбов. Но чьи-то отголоски звучали, набирая силу. Испуганный босоногий Алекс не мог понять, с какой стороны доносятся голоса, которые становились всё громче и настойчивей. Они перешёптывались о чём-то, будто стая летучих мышей бьётся от одной стены пещеры к другой, шелестя своими атласными крыльями.

– Кто здесь? – не выдержав спросил он.

Голоса стихли, и туман неожиданно начал рассеиваться. Молочная густая масса постепенно превращалась в лёгкий полупрозрачный пар, поднимающийся вверх, словно кто-то

там, наверху, открыл крышку, выпуская жар из пароварки. Даже самые тусклые краски набирали цвет: стеклянные стены домов отражали ядовито-жёлтое солнце, асфальт блестел от влаги, а небо стало неестественно ярко-синим, что создавало впечатление стерильной чистоты больничной палаты.

Сзади послышался нарастающий крик птиц и удары крыльев о воздух. Алекс развернулся и едва не присел от изумления: с противоположной стороны проспекта надвигалось живое облако чаек. Они летели, закрывая собой вершины зданий и небосвод. Огромная стая постепенно заполнила всё свободное пространство, спрятав солнце, пролетая над головой совершенно потерявшегося, босоногого человека, который казался очень жалким на фоне всей эпичности происходящего. Этой стае не было видно ни конца, ни края.

Казалось бы, ничто не сможет заглушить зов этого живого белого облака, но в голове вновь послышался странный шёпот. Алекс инстинктивно вскочил на ноги и замер, затаив дыхание, когда увидел людей. Они медленно выходили из-за углов, из подворотен, из открывающихся дверей магазинов И закусочных, брели из-за горизонта обрывающегося проспект, виднелись около сорока, затем сотни, затем всё больше и больше людей. Все они словно зомбированные двигались в сторону Фримена. Ноги и руки задрожали, на затылке выступил холодный пот. Внутри заколотились все поезда мира вместе взятые, отбивая одну общую, тревожную дробь, предвещающую беду. Отдельные люди с озлобленны-

ми, мертвецки тусклыми, почти рыбьими глазами, постепенно собирались в одно огромное человеческое стадо, которое медленно, но уверенно приближалось к жертве.

Алекс развернулся и, прибавив шаг, направился по свободному направлению к своему дому, периодически оборачиваясь, проверяя, не погнались ли «зомби» за ним. Стадо не пускалось в погоню, однако ускорялось в такт беглецу.

Крики чаек, созданное ими облако, закрывающее улицу от солнца, шёпот в голове и обезумевшие горожане – всё создавало впечатление нереальности. А может это, действительно, всего лишь сон? Нужно только зажмурить глаза. Не помогает. Тогда ущипнуть себя. Тот же результат. Алекс обернулся глядя на уже совсем близкую орду, заполнившую всё видимое пространство, и, заходя за угол через большую арку, во двор дома, отпрыгнул назад, когда на него кинулся дворник с метлой, ещё один с граблями стоял чуть позади. Инстинктивно Фримен ударил озверевшего мужчину кроссовками по лицу, затем второго, и, что было сил бросился к своему подъезду. Мелкие камешки впивались в пятки и пальцы ног. Сердце стучало как бешенное, страх так и просился выбраться наружу истерическим криком, заставляя тело работать. «Главное не оглядывайся!» – повторял про себя, гонимый обитателями города, Алекс.

Он перепрыгнул через шлагбаум парковки, затем подбежал к решётке, отгораживающей внутренний дворик от остального пространства и проезжей части. Руки тряс-

лись, пытаясь найти нужный ключ. Современные богатые дома словно крепость, никто посторонний не проберётся в них, но сейчас, Алекс только и задавался вопросом, кто придумал столько препятствий, перед тем как попасть в свой дом.

Глухой топот, разносившийся эхом по двору, и крики чаек были всё громче и настойчивее. Алекс чувствовал, что орда с улицы побежала следом за ним, и сейчас уже была не более чем в сотне метрах от него. Он затылком чувствовал учащённое дыхание приближающейся угрозы. Наконец-то! Калитка распахнулась, милосердно запуская хозяина в свои владения. Последний рубеж – подъездная дверь. Ключ уже наготове, так что можно позволить себе несколько секунд, чтобы обернуться, и то, что Алекс увидел, лишь заставило его поскорее зайти в спасительный подъезд: вся территория двора была заполнена живым ковром из людей, которые прибывали и прибывали. Орда бежала, снося на своём пути детскую площадку, шлагбаум, редкие сухие деревья и расшатывая крепкую стальную решётку – последнее препятствие перед вторжением в огромный многоэтажный дом. Дверь подъезда захлопнулась на магнитный замок, и беглец скрылся от холодных, обезумевших взглядов.

* * *

Услышав неприятное щёлканье замка и звон ключей, Кларкс нахмурился и попытался как можно сильнее, насколько это позволяла разбитая физиономия, зарыться в подушку. Затем учащённые тяжёлые шаги и чья-то сильная от-

дышка, раздававшиеся совсем рядом, заставили лениво приоткрыть один глаз, чтобы увидеть, как хозяин квартиры, почему-то в куртке на левую сторону, стоял, полусогнувшись у панорамных окон, выходящих на балкон, и настороженно, опасаясь чего-то, нервно поглядывал наружу.

– Эй, безумец.

Алекс от неожиданности вскрикнул и резко обернулся, совершенно забыв о присутствии Кларкса в своей гостиной, который тоже от непонимания привстал с дивана и широко открыл глаза, мотая головой.

– Там, это, – не в состоянии сформулировать предложение, Фримен бессмысленно указывал пальцем дрожащей руки на улицу. – Ну!

– Ладно, ладно, – Кларкс, будто соглашаясь с какими-то сказанными аргументами, очень медленно поднялся на ноги, прикрываясь пледом, и хромя направился к окну. – Что же за утро такое? Неужели у американцев закончился фаст-фуд и доллары... МАТЕРЬ БОЖЬЯ!

Едва выглянув в окно, он тут же пригнулся со смехом и с некоторой испуганной улыбкой поспешил вернуться к дивану. Двор был заполнен людьми, которые грозно смотрели куда-то на верхние этажи дома, словно революционеры, собравшиеся сжечь здание правительства. Алекс, не понимая причин для смеха, внимательно смотрел на избитого гостя, который абсолютно не разделял его панического состояния и лишь вновь устраивался на диване, очень громко,

со слезами смеха на глазах, обращаясь к хозяину квартиры:

– Мистер Фримен, вы что, обанкротили все финансовые предприятия, и народ, узнав кто украл их деньги, решил поднять вас на вилы? Ха-ха! Или ты объявил себя антихристом, и папа римский приказал католикам сжечь тебя? Или может...

Алекс, не выдержав такой наглости и непонимания, подбежал к дивану, и схватил замолчавшего, но улыбающегося гостя за плечи. А затем начал кричать прямо в избитое, похожее на поле боя лицо:

– ЗАКРОЙ РОТ! Слышишь?! Ты понятия не имеешь, каково это, убегать от целого города, который только и жаждет разорвать тебя на куски! Умирать два раза за одну неделю и оживать в один и тот же грёбаный день! Где у всех всё идёт своим чередом! Люди смотрят на меня, разговаривают со мной, как будто всё хорошо, а я смотрю и не понимаю, то ли это розыгрыш, то ли я действительно с ума сошёл! И тут появляешься ты, Кларкс. Единственный, кто понимает, что происходит на самом деле! Я думал – ты мне поможешь, но всё, что ты делаешь, это играешь в благородного рокера с прибаmbасами философа, и при этом ходишь по клубам, развлекаешься с моей секретаршей, ввязываешься в драки и после всего этого, лежишь здесь, и вместо того, чтобы просто объяснить, смеёшься мне в лицо!

После этих слов Алекс дёрнул Кларкса и тот с тяжёлым грохотом и хрустом костей повалился на твёрдый пол лицом

вниз, ударившись подбородком. Разъярённый, готовый его уничтожить Фримен хотел это сделать, но Кларкс перевернулся на спину, держась за челюсть и слегка морщась от боли, но довольно спокойно, и даже скучно произнёс:

– Ты всё сказал?

Если бы не сломанные рёбра, не разбитая кожа лица, кистей рук, если бы не синее, покрытое опухольями тело собеседника, который сейчас выплёвывал сгусток крови на пол, Алекс избил бы его до полусмерти. Но сейчас, он лишь вскинул руки и, кинув напоследок «Да пошёл ты», вышел из гостиной.

Кларкс не посмотрел ему вслед, а лишь пристально наблюдал за красной лужицей, медленно растекающейся по гладкому покрытию пола, думая о том, что он прекрасно понимает Алекса. Пришло время раскрыть некоторые карты. Пусть это будет не по уставу небесного суда. Плевать. Этот человек нуждается в помощи, и он её получит. Ведь законы нужны не для того, чтобы им следовать.

* * *

– Алекс, – Кларкс зашёл в кухню и позвал, сидящего на стуле, ссутулившегося, совершенно одинокого и начинающего отрешаться от всего Фримена.

Никакого эффекта это не дало.

– Спасибо за одежду. Я нашёл пакет в прихожей, подумав, что это для меня, надел.

Алекс медленно поднял голову и тихо спросил:

– Подошло? Чисто чёрного не было.

– Да, в самый раз.

Кларкс привычно убрал волосы назад, только теперь на нём была не рубашка с джинсами, а классические стильные вельветовые брюки и двойная чёрная кофта, с торчащим серым клетчатым капюшоном.

– Ты выглядишь моложе, – Алекс улыбнулся. – Но что-то от старого, всё же осталось.

– Точно! Спасибо, что напомнил.

Кларкс, словно подросток, который пытается подчеркнуть свою индивидуальность, снял с шеи цепочку и протянул её от ремня брюк к заднему карману, затем довольно улыбнулся и налил себе кофе.

– И так, Алекс, – его голос внезапно изменился – стал прежним, уверенным, басовым, заставляющим сразу обратить на него внимание. Он отпил кофе и добавил, – Тебе пора узнать о твоей истинной природе. О том, почему происходят такие события как сегодняшним утром. И наконец, как с этим бороться.

– Дашь мне пулемёт и посадишь на крыше? – Фримен скептически усмехнулся, но Кларкс не пошевелил и бровью.

– Это идея, но пулемёт стреляет патронами, а патроны имеют свойство заканчиваться. Всё гораздо проще, чем ты думаешь, – он поставил пустой стакан в мойку, затем устоялся на унылого Алекса и решительно заявил. – Если ты будешь всё время с таким лицом, я напьюсь, честное слово.

Собирайся, мы пойдём на улицу.

Уныние внезапно сменилось испугом и недоверием:

– Ты не сумасшедший случайно?

– Возможно я дурак, но я не глупый. А вот тебе, как раз, помощь не помешает.

– Подожди, – Алекс встал со стула и начал протестовать. – Я правильно понял? Ты хочешь выйти во двор, заполненный желающими нас уничтожить?

Кларкс усмехнулся:

– Ну, уничтожить то они, собственно, хотят не НАС, а только ТЕБЯ. И двор уже пустой, все разошлись.

Фримен взглянул в окно: газоны только начинающей зеленеть травы были истоптаны и изрядно испорчены обывателями, деревца повалены, клумбы разорены, но двор стал абсолютно безлюдным. Последние люди покидали его, выходя через единственную арку, ведущую на улицу, где ездили машины, выпуская выхлопные газы в воздух. На небе не было ни одной белой чайки. Бостон снова стал прежним, и жизнь в нём продолжала идти своим будничным потоком.

– А почему они ушли?

– Ты не рад? Позвать их обратно? – Кларкс смеялся.

– А ты можешь? – Алекс действительно так подумал.

– Нет, но ТЫ – запросто. Легче показать, чем объяснить, так что, одевайся и пошли, у нас сегодня много дел.

Глава 10

– Не подскажешь, зачем мы сюда приехали?

Погрузочные металлические контейнеры поблёскивали на ярком апрельском солнце, которое приятно припекало спину и плечи. Ржавые баржи и яхты покачивались на волнах, скрипя и уныло наблюдая за двумя незваными посетителями заброшенного морского склада. Порт Льюис Бич когда-то был оживлённым местом. Изначально он был построен как небольшой порт для прогулочных катеров и яхт. Люди приходили сюда каждый день чтобы насладиться свежим океанским бризом, городским пейзажем набережных и просто общением друг друга до тех пор, пока всё более и более современные инновации в индустрии развлечений не вытеснили этот вид досуга. Позже это место реформировали в погрузочный склад, соответственно, расширив территорию и установив нужную технику вроде погрузочных кранов и тягачей, которые до сих пор едва заметно покачивались на ветру, обсыпаясь ржавчиной на обширную бетонированную площадку и прогнившие доски пирсов. Оставленные, ненужные и почти забытые.

– Во-первых, здесь много свободного пространства, а значит, спрятаться будет негде, – Кларкс, хромая, но уже довольно бодро для избитого до полусмерти ещё вчера человека, подошёл к центру площадки и остановился.

– Спрятаться? Кому?

– Правильнее будет спросить «От кого?», но ты знаешь ответ на оба вопроса. И так, у нас мало времени. Алекс, – слова звучали, словно из уст сенсея по джиу-джитсу, заставляя ученика слушать очень внимательно. – Для начала, ты должен забыть всё, что знаешь о том, как устроен мир. Все твои знания абсолютно бесполезны и не помогут справиться с твоими настоящими проблемами.

– Постой, – ученик пытался уточнить все непонимания сразу. – Ты имеешь в виду нападения людей?

– В частности. И так, Алекс. Отбрось все лишние мысли, сосредоточься. Для того чтобы нам чему-то противодействовать, для начала нужно узнать как это «что-то» работает, каковы его цели и, главное, причины.

– То есть, чтобы победить врага, нужно сначала изучить его?

– Думаю, вместо слова «враг» больше подойдёт слово «болезнь».

Алекс, сняв куртку, положил её рядом с собой и присел на асфальт, внимательно слушая каждое слово сенсея. Ему уже было безразлично на совсем недавний всплеск злости – так уж действовал Кларкс. Он выглядел очень внушительно и мистично на фоне волн мраморного цвета, ярко синего неба и лучей огненного шара, подчёркивающих его тёмный силуэт. Казалось даже, что от него идёт какая-то аура.

– Хорошо. Болезнь. Что дальше?

– Как ты уже понял, ты мёртв, Алекс. Скажи мне, ты уже осознал это полностью или всё ещё считаешь, что я просто пытаюсь свести тебя с ума?

Фримен опустил взгляд на серый сухой асфальт, затем на виднеющийся вдалеке мост, по которому плавно ползли автомобили и управляющие ими люди. Живые, полные сил, такие же, как он.

– Я не могу сказать об этом уверенно, – он достал сигарету и, неспешно раскурив, продолжил. – Точно знаю – я умирал. Тогда в машине и выпрыгнув с балкона. Очень отчётливо это помню. Но с другой стороны, я смотрю на людей: они ходят по улице, живут своей жизнью, улыбаются, разговаривают о чём-то. Кроме тех моментов, когда на меня нападают.

– Именно поэтому на тебя и нападают.

– В смысле?

– Скажи, ты ведь чувствуешь какие-то изменения в своём теле? Например, снизилась чувствительность к температуре, или осязание стало подводить.

– Да... я почувствовал это сегодня утром.

– И это правильно. Ты всего лишь начинаешь отпускать своё тело.

Алекс сомнительно взглянул, в голове летала одна мысль: «Что за бред?».

– А теперь слушай внимательно. Следи за каждым словом, – как заклинание медленно произнёс Кларкс. – Есть четыре уровня бытия. Первый – это душа. Душа это и есть ты.

Субстанция, на которой базируется всё остальное. Второй уровень – это твой разум. Разум позволяет душе существовать вне пространства и времени. В глубинах разума сокрыты все знания, что есть во вселенной. Третий – твой мозг. Он позволяет мыслить, но уже ограниченно, словно компьютер, который даёт тебе выход в интернет.

– А интернет, это и есть разум... – догадался Алекс.

– Именно. И последний уровень. Четвёртый – твоё тело. Тело позволяет тебе существовать в таком пространстве и времени, в котором ты есть, и взаимодействовать с другими материальными объектами. Оно словно скафандр для астронавтов. Без него в космосе они бы погибли. Сейчас с тобой происходит вот что: умерло твоё тело, а с ним – мозг. Но ты жив, потому что ты и есть душа. Все люди существа далеко не телесные, это всего лишь пальто, которое становится старым и его выкидывают, но тот, кто его носил, не следует ведь за ним на помойку? Он просто пойдёт и купит себе новое. С тобой происходит именно это. Ты слишком привязался к своей материальной оболочке – к телу. Душа забыла, каково это, жить вне вещей, которые можно увидеть, услышать, почувствовать. И сейчас существуешь лишь ты и твоё сознание, выстроенное с помощью разума, но мысли твои пытаются разубедить тебя в этом.

– Подожди, – Алекс мотал головой, совершенно запутавшись. – Ты ведь сказал, что мозг умер, тогда откуда мысли?

– Мозг мёртв, но мысли, в которых заложены чувства, жи-

вуд намного дольше него. Это как поэт, он умирает, но оставляет после себя множество стихов, в которых заложена информация. Это так же как раскаты грома доносятся до нас эхом после удара молнии. Мысли – это эхо бытия. И более того, мысль обладает невероятной силой в чистом сознании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.